

Машину трясло, и, чтобы не удариться головой о натянутый брезент потолка, Павел ещё ниже пригнулся в тесной, неудобной кабине старого легкового «газика» и крепче вцепился руками в согнутую из металлического прута ручку перед собой, тоже маленькую и неудобную, как и вся кабина, с небольшими протёртыми в брезенте дырами. И эти крохотные отверстия в крыше и стенах кабины сейчас прыгали перед глазами яркими точками, раздражали и невольно отвлекали взгляд от дороги.

Снаружи доносилось почти непрерывное шипение воды, которая после дождя, прошедшего ночью, залила колеи и сейчас надвигалась на машину двумя неширокими тёмно-грязными полосами. Да, казалось, что не машина движется вперёд, а эти полосы бегут под неё и, разбиваясь о колёса, шипят, как вода в реке у опор моста.

«Опять мост! Вон, любуйся лучше: солнышко, тайга, погодка разгуливается».

День на самом деле разгуливался не на шутку. Яркое светило солнце, и тайга, ещё не просохшая после дождя, стояла вдоль просеки, серебряно поблёскивая. Даже грязная дорога, заваленная по краям полусгнившими стволами кедра и берёзы, — это ещё раньше, во время лесоповала, не довёз кто-то до станции, свалил раньше срока — сейчас не казалась такой уродливой, как в непогоду. И для жары рано, десяти часов нет, а солнце палит, будто в оправдание за вчерашнее ненастье. Хотя ведь и правда, нечасто в Восточной Сибири, в тайге, в середине июля дожди бывают, да такие, чтоб не на час-полтора, а на целый день и половину ночи. Волей-неволей искупать вину приходится, вот солнышко и старается, и довольная, принимающая мировую тайга млеет от жары, благоухает свежестью.

Павел представил, как весь небольшой станционный посёлок, куда он сейчас ехал, с крохотным вокзальчиком, служебными постройками, строительной конторой и жилыми домами, полностью, должно быть, утонул в этом смолистом и терпком благоухании окружившей его со всех сторон тайги. Наверное, и людей в посёлке сейчас почти нет. Все на станции: без запаха масла и солярки жить уже вроде бы не могут. Только у строительной конторы наверняка толкучка.

Павел не боялся, что придётся долго толкаться в коридорах и кабинетах конторы, наоборот, к этому успел привыкнуть. Знал, если ехать, то день придётся провести там, а то и ночь переспать в «гостинице» — так строители называли вагончик, стоящий недалеко от конторы. Раздражало другое. Он никак не мог освободиться от мысли, что сейчас нужно будет что-то говорить «хозяину», как-то рассказывать о случившемся и, что самое тяжёлое, снова просить эти злосчастные доски.

В конторе и около неё было шумно. Народ собрался таёжный, в разговоре и голосе свободный, и хоть кричать зазря не любящий, но и к шёпоту не привыкший. Строила контора дороги, а это значит, от селений далеко, и поэтому скрывать что-то друг от друга никакого резона не было. Люди сидели кто где: на пустых ящиках из-под гвоздей и инструментов, на ступеньках обшарпанного деревянного крыльца, прямо на земле, подложив под себя обрезок тёса или фанеры, толпились в коридорах.

Павел протолкался к двери в директорский кабинет и без стука, отвернувшись от удивлённо-вопросительного взгляда секретарши, открыл её. Директор сидел за столом и разглядывал какие-то бумаги.

— Здравствуйте.

Директор кивнул, не поднимая головы и не отрывая взгляда от бумаг.

— Так приехал или случилось что?

— Случилось.

— Вот как! — Директор удивлённо посмотрел на Павла. — Что у тебя, Павел Константинович, там стряслось? — В голосе нескрываемое раздражение.

— Доски украли.

— Как украли?! Опять!

— Откуда я знаю — как. Вчера спать ложились — все были, а утром встали — почти ничего нет. Оставили чуть-чуть, словно для смеха.

— Такого у нас ещё не было. Чтобы два раза подряд...

— Это не из наших. Со станции приезжали, я уверен.

— Со станции, говоришь, — директор пристально посмотрел на бригадира, — второй раз уже... второй. Что же делать, может, посоветуешь чего, а, Павел Константинович?

Павел непроизвольно пожал плечами.

— Сторожить начнём. Если второй раз, значит, понравилось кому-то.

— Так что ж, предлагаешь ещё раз тебе доски дать?

На этот раз директор говорил спокойно, с задумчивостью в голосе, будто сам с собой разговаривал.

— Только где их взять? С других объектов снять посоветуешь?

Павел промолчал.

— Послушай, Павел Константинович, ты уже пятый год бригадой руководишь, четвёртый мост в наших краях строишь. Ведь не случалось у тебя раньше такого. Значит, наверняка кто-то из новеньких, из бригадных. Ты проверь, подумай. Ведь не в посёлке со своей бригадой работаешь. Машины ваши места за несколько километров объезжают. Они же на пароме через реку переправляются, так что посторонних у тебя быть не может. Раньше в людных местах работал — и ничего не пропадало, а сейчас... это нужно ночью, в темноте, под дождём, — директор помолчал некоторое время, — ведь дождь был ночью, эти доски по дороге тащить. Такого быть не может. Так что ты приглядись к своим повнимательнее, — и будто решившись, — а доски мы тебе дадим. У бригады Комарова придётся взять. Хотели пол в детском садике этими досками перестелить, да, видно, придётся повременить. Там ещё терпимо, а мост в плане... Опять мамыши придут воевать...

— Украденное найду, без лишнего шума. Отвезём в детский сад.

Павел уже направился к двери, когда его остановил директор.

— Да, Павел Константинович, просьба у меня к тебе. Приехал к нам вчера парнишка, решил в тайге денюжат подзаработать. Знаешь, на-

слушался всякого, — директор улыбнулся, — но на вид ничего, добрый малый. Так ты возьми его к себе, хорошо?»

Павел нахмурился. Не любил он новеньких в своей бригаде, брал только в крайней необходимости, а тут ещё мальчишка, хлопот не оберёшься.

Директор заметил недовольство бригадира, засмеялся уже нарочито громко.

— Да ты не хмурься раньше времени. Мальчишка хороший, шустрый такой. — Директор крикнул в сторону двери: — Вера Константиновна, пришлите мальчика ко мне.

Вскоре открылась дверь, и в кабинет вошёл паренёк. Павлу он сразу не понравился — какой-то неприметный, невзрачный, скромно одетый.

— Вот, принимай.

Когда бригадир с пареньком вышли из кабинета директора и отошли, где народа было поменьше, Павел остановился, внимательно, в кабинете он лишь мельком взглянул на паренька, посмотрел на новенького оценивающе и тут же прикидывая, на что тот может быть годен. «Молод, какой из него работник». Однако вслух ничего не сказал. Только выдержав паузу, спросил.

— Зовут-то тебя как?

— Валентин... Валька.

Павлу показалось, что паренёк уловил раздражение в его голосе и, приняв его на свой счёт, ответил тихо, и было в его «Валентине» что-то сдержанно-достоинное и даже чуть обиженное, а затем в поспешном «Вальке», словно сам испугался достоинства в голосе, желание задобрить, угодить. Это Павлу не понравилось. «С таким характером пропадёт, сломают его у нас. Зря в такую даль ехал, километры мерял. А жалко, молодой ещё совсем».

— Делать-то чего умеешь?

Парень замялся.

— Ладно, поглядим на способности, а уж там, может, куда и определим.

2

О том, что со стройки во второй раз украли доски, стало известно утром. Повар бригады, Николай, встал раньше всех, ему нужно было приготовить завтрак, и, выйдя из жилого вагончика, уже было направился к кухне, но тут заметил пропажу и, бегом вернувшись назад, прямо с порога вагончика заорал зло и напуганно:

— Павел! Бригадир! Ребята, опять досок нет!

Павел вскочил сразу, будто и не спал вовсе, а только лежал с закрытыми глазами, дожидаясь этой минуты. И все остальные тоже повскакивали со своих коек и, толкаясь в проходе, бросились к двери. А Павлу вдруг стало пусто, спокойно на душе. Он снова сел на кровать, вздохнул облегчённо.

— Наконец-то, — тихо сказал он самому себе.

Но чего «наконец-то»? Неужели он ждал сегодняшнего дня? На это ответа не было. Только Павел хотел, чтобы совершилось ещё одно зло, будто до этого его мало было. «Вот теперь всё ясно, никаких сомнений. Грязь, одна грязь. Не люди, сволочи вокруг».

А после всё разом перемешалось в душе бригадира — досада, злоба, обида на всех и на себя. Видеть никого не хотелось. Люди же продолжали, не одеваясь, босиком выбегать из вагончика. И вот уже нет никого, все на поляне. Только смятое, раскиданное бельё на кроватях да пара опрокинутых табуреток в проходе. И посреди всего этого беспорядка сидит он, бригадир.

«Куда бегут, зачем торопятся, — как-то уж слишком вяло, спокойно рождалась мысль в голове, — всё равно ничего не исправить».

Павел вышел из вагончика после того, как оделся. Он натянул широкие брезентовые штаны, выпачканные в смоле и от этого кажущиеся негнушимися, согни колено — сломаются. Накинул на плечи куртку, тоже брезентовую и хоть ещё не старую, но уже успевшую выгореть под солнцем. Надев сапоги, бригадир встал с табуретки и пошёл к выходу. Он слышал, как громко, будто молотом по железу, бьют, стучат его сапоги о пол пустого вагончика. И в этот момент почувствовал тупую безысходность, от которой застыло на мгновение сердце, и Павел остановился, покачнулся и не по воле своей прижал левую руку к груди. Но боль прошла быстро, и сердце заторопилось в груди под рукой так, что голова закружилась.

Павел открыл глаза. Он и сам не заметил, что зажмурился, пока стоял в проходе между койками, держась за железную спинку одной из них. И вот теперь, увидев, будто по-новому, свет, он испугался той боли и темноты, испытанных только что.

«Как там темно. Совсем темно!»

Павлу захотелось света. Много света, яркого, колющего глаза, и он быстро вышел из вагончика, уже не слыша громких, минуту назад так напугавших сердце собственных шагов.

Все бригадные стояли у того места, где когда-то был сложен штабель, а сейчас валялась жалкая кучка разбросанных, перепачканных в грязи досок. Уже накричавшись, наматерившись, обежав в поисках хоть каких-нибудь следов поляну по нескольку раз, люди стояли злые и растерянные. Что же теперь делать? Казалось, на всех лицах застыл один вопрос. А может быть, это Павлу только показалось, потому что другого вопроса самому себе он не задавал. «Что же делать, как жить с людьми?» Но Павел заметил и то, как удивились люди, увидев его, уже одетого и, наверное, выглядевшего спокойным, будничным.

— Вы сегодня что, работать не собираетесь? — Павел старался задать этот вопрос как можно спокойнее, и в то же время поняв, что этого не получилось, уже прибавив голос, повторил: — Я спрашиваю, работать будем или нет?

Первым после слов бригадира подал голос Хромой. Он недовольно посмотрел на Павла, сплюнул.

— Пошли, мужики. — И тут, заметив стоявшего в общей толпе повара, закричал на того: — Что стоишь, иди завтрак готовь!

Николай быстро пошёл к столовой, остальные медленно направились к жилому вагончику. Павел смотрел на их голые фигуры, на загорелые спины и неприятно белые, совсем не тронутые загаром ноги и чувствовал, как опять вскипало в нём раздражение.

Каждое утро бригада завтракала плотно, чтоб с запасом до обеда, как всегда позднего, начинающегося по установившейся уже не первый год традиции, ближе к вечеру... На этот раз было как обычно. И когда, собравшись, все бригадные вошли в вагончик, кастрюля с супом уже стояла в центре стола. Дразнили взгляд крупно нарезанные куски сала на тарелке и ломти мягкого ржаного хлеба. Негромко переговариваясь, люди снимали с себя пропахшие смолой и дымом куртки и фуфайки, раздевшись, усаживались вокруг стола — каждый на своё место. Павел первым налил себе в тарелку супа, положил на хлеб размякший кусок сала с красной прожилкой мяса и вприкуску начал есть суп. Только после него начали себе наливать остальные. Ели молча. После супа довольные, подобревшие люди дожёвывали остатки хлеба, дожидаясь, когда принесут макароны. Павел кончил есть последним. Отодвинув от себя тарелку, сам отодвинулся от стола и, прислонившись спиной к дощатой стенке вагончика, обвёл всех взглядом.

— Так кто же у нас доски ворует? — спросил он хоть и не громко, но твёрдо.

Все разом смолкли.

— А кто их, сволочей, знает!

— Дорога рядом, может, кто со станции.

— Надо ночью покарать, может, попадутся.

Павел слушал, будто специально решив дать людям выговориться. И вдруг поймал себя на мысли, что слушает, а сам каждого взглядом ощупывает и спрашивает у себя: может, этот?

После завтрака все вышли из вагончика, расселись на ещё не обструганных брёвнах, закурили. Яркое светило раннее солнце. Ветер разогнал набежавшие за ночь тучи, и хотя ещё было сыро, тепло брало своё. Разморённые после сытной еды люди стягивали с себя свитера, рубашки и ложились на брёвна грудью к солнцу, ладонями прикрывая глаза. Павел сел немного в стороне, так, чтобы сразу всех можно было видеть, и опять начал приглядываться к бригадным без всякой вроде бы худой мысли, так, само собой получилось.

Первым, на ком остановился взгляд, был Хромой. Невысокий, коренастый, с неприятно морщинистым, казалось, будто приплюснутым лицом и длинными, до жути сильными руками, он всем новичкам в бригаде поначалу внушал страх, пока те не узнавали его ближе, и хоть после этого тоже не считали добрягой парнем, но уже знали, зря не тронет. Разве что под горячую руку, да и то если выпивший крепко, что опять же с ним случалось редко. Вообще, по-настоящему Хромого звали Алексеем, но изъян его был настолько заметен при ходьбе, что даже страх перед могучими кулаками не мог удержать людей от того, чтобы не дать ему прозвище. Со временем же он и сам привык к нему и одинаково откликался как на Хромого, так и на своё собственное имя. И ещё, когда Павел уезжал в райцентр или на станцию, он всегда за себя оставлял Хромого, твёрдо зная, что работа на стройке будет продолжаться, и не с ленцой, а как положено. Алексей работал в бригаде с самого начала и поэтому мужиком считался авторитетным. Раньше о воровстве на него и мысль бы в голову не пришла. Это только сейчас...

Рядом с Хромым сидел повар, Николай. «Ну, этот ещё пацан, и двадцати пяти нет. Дурного про него не скажешь, и чтобы жадничал, не замечалось. Вот уже три года на кухне, а от котла ни куска не утаил. Да нет, куда тут, весь на глазах. Если бы чего было, давно бы заметили».

Фёдор. Этот инструмент сторожит, вроде как за кладовщика. За ним был грешок, да вроде образумился. Во всяком случае, на воровство не пойдёт, побоится. Не той природы человек, мелковат. Фёдора Павел недолюбливал. Бывало, не нравилось бригадиру что-то в его глазах. Опять же, деньги любит пуще матери. Но в другой раз подкупала Павла откровенность, с которой этот высокий, худой, с тонкими, казалось, без мышц, руками, острым с горбинкой на переносице носом, откровенно рассуждал о том, что ему нравится, а что нет. Ведь так и говорил: работать не нравится. Деньги получать больше нравится. Но чтобы исполнилось второе, необходимо пройти через первое. Вот поэтому я здесь, среди вас. Нет, этот тоже не вор. Тогда, может... да что я себе голову морочу. Ну кто сам у себя пойдёт. Ведь без работы сидеть будем, ничего не получим. Всё-таки это со станции, больше некому.

И тогда Павел решил поехать в посёлок.

Предупредив Хромого, что тот останется вместо него, и выйдя через тайгу к дороге, он остановил на ней легковой «газик», который ехал из райцентра на станцию, а вечером должен был возвращаться обратно, и, договорившись с шофёром, что, когда тот вечером доведёт его до стройки, получит за пробег в оба конца. Шофёр не ломался, согласился сразу, и Павел, усевшись в кабине, тогда впервые почувствовал, пусть неясно, издали, что едет на станцию не только просить доски. В нём появилось смутное чувство тревоги. Даже что-то вспомнилось, будто мелькнула картинка из далёкого прошлого. Павлу на мгновение показалось, что что-то подобное с ним уже было. И тогда он заставил себя отвлечься, подумать о предстоящем разговоре с директором.

Машина заглохла. Павел не услышал — почувствовал это и открыл глаза.

— Что случилось, а?

Из-за спины бригадира высунулась голова Вальки.

— Застряли, парень, вот чего, — ответил шофёр и, повернувшись к Павлу, добавил: — Толкнуть надо.

Павел молча полез из кабины. Следом за ним вылез паренёк. Павел поудобнее, так, чтобы ноги не скользили по сырой траве, пристроился около машины, упёрся в кабину руками и, навалившись всем телом, крикнул уже через силу:

— Давай!

Заревел мотор. Полетела мелкими липкими комками грязь из-под колёс. Машина рванулась вперёд, затем, немного ослабившись, попробовала ещё раз выбраться из залитой жидкой грязью колеи и, будто надорвавшись, снова заглохла.

— Нужно дерево рубить.

Из кабины газика высунулась голова шофёра.

— У тебя хоть топор-то есть? — спросил его Павел.

— Что бы я делал без топора на этой колымаге.

Голова опять исчезла в кабине.

Павел видел, как шофёр подошёл к невысокому молодому кедру, оглядел его со всех сторон и, видно, пожалев, опять отошёл. «Так он долго ходить будет», — с раздражением подумал бригадир.

Ещё не темно, но приближение сумерек Павел привык чувствовать заранее по вылезавшей из тайги из-под заросших мхом кочек и пеньков гнилой сырости. Вот и сейчас тело неприятно знобило, словно кто-то дотрагивался до него холодной и влажной рукой. Павел поёжился и тут же, почувствовав спиной чей-то взгляд, резко обернулся. Стоявший шагах в двух от него Валька от неожиданности отпрянул в сторону. И тогда Павлу с неодолимым чувством мести захотелось спросить: «А знаешь ли ты, что такое люди? Ты знаешь, какая это грязь? Знаешь, что они воруют друг у друга, пьют водку, матерятся, бьют женщин и детей?» И чтобы действительно не задавать все эти отвратительные вопросы паренюку, всем телом как-то беззащитно вздрагивающему от холода, бригадир поспешно отвернулся.

Шофёр уже копошился около машины. Он заталкивал ногой, обутой в кирзовый сапог, целую охапку мелкого кустарника жимолости под заднее колесо.

— Помочь? — спросил Павел.

— Да, сейчас подтолкни ещё раз.

Шофёр перестал уминать кусты под колесом, отёр руки о брезентовый кузов машины и полез в кабину. Снова заработал мотор, и опять из-под колёс полетели комки грязи. Машина рванулась вперёд, затем опять на какое-то мгновение застыла на месте и вот медленно, с натугой начала пробираться вперёд, выкарабкиваясь из глубокой колеи на обочину.

Павел, стиснув зубы, давил плечом на железный стык каркаса кабины. Он почувствовал ещё до того, как машина начала продвигаться вперёд, что сейчас она перестанет буксовать и пойдёт уже сама, легче. Это позволило немного расслабиться, и тут Павел услышал, как за его спиной тяжело дышит Валька.

«Старается. Как же ему понравится хочется... дурачок».

К стройке подъехали, когда совсем стемнело. Вечерние сумерки опустились на поляну, где стояли три вагончика бригады: жилой, столовая и что-то вроде склада, и захлестнули её темнотой. По тайге медленно и таинственно полз белый густой туман. На поляне не было ни одного человека.

Павел с Валентином вошли в жилой вагончик. Резко ударил в привыкшие к темноте глаза свет от висевшей под потолком лампочки.

Павел подошёл к столу, стоявшему в центре вагончика, стал доставать из карманов куртки и штанов пачки сигарет и аккуратно стопками их складывать. Опустошив карманы, повернулся в сторону паренька.

— Он будет у нас работать. Пусть ляжет на свободную кровать.

— А зовут-то его как?

— Валентин.

К Вальке подошёл Николай.

— Пойдём, я покажу, где твоя койка, — и увёл новенького в угол вагончика.

Павел, напившись воды, подошёл к своей кровати, сел поверх одеяла. Вокруг него собралась бригада.

— Ну что, дадут нам доски?

— Не дадут — значит, ничего не заработаем.

— К директору ходил, обещал дать. — Павел глубоко вздохнул и на выдохе: — Вы-то как, балку поставили?

— Поставили. Уже почти всё сделано. Осталось одно перекрытие с той стороны и можно доски стелить.

— Стелить, говорите... Алексей, как думаешь, тех досок, что остались, надолго хватит?

— На день хорошей работы, не больше.

— Мало! Боюсь, не успеют нам к этому времени подвезти. Да чего сейчас жалеть, сами виноваты. Ладно, время позднее, давайте укладываемся.

Многие уже лежали в кроватях, когда Павел пошёл из вагончика.

— Ты чего не ложишься, Паш?

— Спать не хочется, пойду подышу.

— Давай и я с тобой.

Хромой вышел следом. Они не пошли далеко от вагончика, а сели прямо на ступеньках лестницы, только спустились немного пониже. Ночь стояла тихая и безветренная. И не хотелось ни о чём говорить. Сидеть бы только да слушать эту глухую тишину.

Павел глубоко вздохнул, будто только что освободился от тяжёлой и неудобной ноши. Высокий, широченный в плечах, с сильными руками и большими, словно расплюснутые комки металла, ладонями, Павел, несмотря на свой возраст — было ему уже за пятьдесят, — слыл одним из самых сильных в бригаде. За это, наверное, его и уважали. Может, даже побаивались. Ещё когда только сколачивали бригаду, пять лет назад, поставили его бригадиром. Почему его? Вроде не молод, голова вон почти вся седая, да и не был никогда на этой должности, а тут... Ну ладно, поставили так поставили. Начал Павел бригадирствовать. Трудно поначалу было, не уживался с людьми. Многие уходили от него: одни с руганью, другие молча, а третьи вообще незаметно исчезали, будто и не было их вовсе. А Павел не менялся. Всё так же смотрели его тёмные, неопределённого цвета глаза из-под густых бровей. Всё так же недовольно морщил лоб, когда что-нибудь не получалось, и молчал. Молчал он почти всегда. Разговаривал мало даже тогда, когда изрядно подвыпивший сидел вместе со всеми своими бригадными за столом. Вот поэтому про него долго никто ничего не знал: ни откуда он, ни то, есть ли у него семья или нет. Знали только, что после каждой полочки заходил он на почту и отправлял переводы. Но куда и зачем, этого тоже никто не знал.

Павел, несмотря на свою большую силу, дрался редко. Он всегда сердито смотрел на дерущихся, потом подходил к ним, отталкивал друг от друга и коротко говорил: «Хватит». И драчуны унимались, с руганью расходились в разные стороны. Один только раз его не послушали, даже ударили сгоряча. В тот день бригада впервые увидела, что за сила скрыта в руках бригадира. Парня подняли и унесли в вагончик. Было это

вечером, а утром поймали попутку и отвезли пострадавшего в посёлок. Неделю на стройке было спокойно. Неделю бригадир каждое утро уезжал в посёлок и возвращался только к обеду. Некоторые посмеивались: гордый-гордый, а как приспичило, начал, наверное, пороги начальства обивать, дело-то подсудное. И только после, когда вернулся из больницы Николай, а пострадавшим был он, узнали — к нему он ездил. Вез всякие вкусности и опять почти ничего не говорил. Только спрашивал: «Ну, как здоровье, голова не болит?» И ещё, когда в первый раз приехал в больницу, то прощения попросил: «Ты извини меня, не сдержался». И рассказал, что была у него семья, да что-то не получилось у них. Жена ушла вместе с сыном к другому. Тот был шофёром, попал в аварию, погиб. Тогда Павел и начал посылать своей бывшей жене переводы. Хоть и не прости, а всё равно помогал. Потом сын подрос, сам стал отцу письма писать. Всё это время они не виделись. Но, видно, мать сыну добро об отце рассказывала. В тот день, когда драка произошла, получил бригадир письмо. Написал сын, что мать заболела, лежит в больнице, а у него самого неприятности в школе. Итак, Павел ходил злой по стройке из-за этого письма, кричал на всех почём зря, так переживал, а тут ещё драка. Вот и не выдержал.

А дело и впрямь было серьёзным. Из районного центра приезжали разбираться. Но бригада встала за Павла. Рабочие утверждали, что это доска упала с моста, который строила бригада, а парня никто и пальцем не трогал. Тот, в свою очередь, тоже что-то придумал в больнице. Хоть его показания и не сходились ни в какую с показаниями бригады, но следователь оказался человеком бывалым, в тайге работавшим не первый год, и, всё рассудив по-своему, написал напоследок крепкого чаю, которым его щедро угощал оставшийся за бригадира Хромой, под вечер уехал обратно в райцентр. Павла в это время в бригаде не было, он уезжал. А когда вернулся, дело было уже сделано, так что он про следователя и не узнал.

— Послушай, Паш, может, тебе завтра опять в контору съездить, поторопить с досками, — прервал молчание Хромой.

— Нет... стыдно.

Некоторое время опять сидели молча, оба согнувшись, опершись локтями о колени. И снова заговорил Хромой

— Новенького куда определим? Может, около Николая оставим.

Павел встал, сказал, не отвечая на вопрос:

— Ладно, пошли спать.

Но уснуть ему не удалось. Он лежал с открытыми глазами, смотрел в смутно чернеющий потолок и думал о прошлом. Вспомнил бывшую жену. Павел не хотел помнить зла и обид, но ведь всё это было. Он любил женщину, а его обманули. Он мечтал о ребёнке, а его опять обманули. Но за что, за что? Павел не понимал, а моментами ему казалось, что от этих не имеющих ответа вопросов он когда-нибудь сойдёт с ума, даже может быть скоро, сейчас. В подобные минуты он всегда кого-то молил о помощи, надеялся, верил, что всё изменится, вот кто-то придёт и всё-всё исправит, поставит на свои места, накажет злых и отблагодарит добрых за великое терпение. Ведь только оно, терпение, спасает людей от гибели, оно не даёт отцу убить сына, брату брата, человеку человека. Павел иногда думал, что бы стало с землёй, исчезни на ней терпение. Ему становилось страшно от пришедшей мысли, и тогда он снова уговаривал кого-то в себе, злого, просящего мести, терпеть. «Мы должны узнать, почему делаем плохо или, наоборот, хорошо. Ведь есть во всех наших поступках что-то обязательное. Мы поступаем так или иначе только потому, что именно так нужно поступать, и не кому-то другому, а только тебе. Другой тоже что-то делает, своё, необходимое».

Павел не мог больше лежать. Простыня скаталась и образовавшейся складкой давила в бок. Да и вся постель вместе с измятой подушкой и тяжёлым одеялом была неприятна для тела. Павел встал, нашарил рукой

сапоги, стоявшие недалеко от кровати, надел их прямо на босу ногу и, стараясь не шуметь, вышел из вагончика.

Уже светлело. Невестя откуда появившаяся серота разбавила собою густую темноту ночи, и та стала будто легче, воздушнее. Павел спустился по лестнице на землю, прошёл немного в сторону вагончика столовой и, не доходя до того нескольких шагов, сел на сколоченную из жердин и горбыля скамейку. Другая скамейка была напротив, у самой стены вагончика.

«Интересно, зачем люди воруют? Деньги нужны? Пускай так. Но ведь они многим нужны, почти всем, а воруют немногие. Да и проще, спокойнее можно деньги добыть, заработать хотя бы. Лёгкой жизни хотят? Куда уж там, на ворованном-то. А ещё закон есть, с ним как. Нет, видно, не понять. Только по всему выходит, нельзя людям верить. Есть хорошие, есть плохие, но как узнать, кто перед тобой. Верить, конечно, хорошо, да только плохо, что эта вера тебя другим концом по голове бьёт, больно, словно специально пытается отучить от себя».

Павел и не заметил, как стало совсем светло. Очнулся он от своих дум, когда из жилого вагончика вышел Николай и, лениво оглядевшись, пристроился у угла.

— Туалет для чего колотили? — незло крикнул Павел.

Николай растерянно замер, повернулся на голос и, увидев бригадира, быстро засеменял на край поляны.

Павел вернулся в вагончик. Снял сапоги, вытянулся на кровати. Заснул он сразу и крепко, и ему ничего не снилось.

4

С утра делали перекрытие для правой стороны моста. Стучали топоры, глухо раздавалось эхо в утренней тайге. Ещё месяц хорошей работы, без простоев, без заминок, и по мосту можно будет пускать первые машины. Тогда ещё до зимы, не делая крюка в несколько десятков километров, они будут проезжать со станции в небольшой районный городок. Это если без простоев. А они наверняка будут. И за эти ещё не случившиеся простои заранее ругал себя Павел.

Сегодня бригадиру работалось трудно, как никогда. Топор валялся из рук. Когда слышал, что где-то смеялись, ему хотелось кричать.

«Но где же доски? Далеко их увезти не могли. Вернее всего, или на станцию, или в райцентр. Про райцентр можно спросить у паромщика, он наверняка знает, если провозили, доски большие, их не спрячешь. А вот если на станцию, тут труднее. Прямых улик нет, а доски до времени в тайге могли схоронить».

Павел пошёл по гладко ошкуренному бревну на другой берег к Хромому. Внизу под ним шумела неширокая, но быстрая в этом месте река. Хромой стоял на берегу, держа в руке топор, и что-то объяснял Вовке, парню лет двадцати восьми, два месяца назад устроившемуся в бригаду. И тут будто кольнуло Павла что-то в грудь, больно, даже сердце напуганно и быстро застучало. Вспомнил он слова директора: «Четвёртый мост в наших краях строишь. Ведь не случалось у тебя раньше такого. Значит, наверняка кто-то из новеньких».

Павел почувствовал, как от волнения у него загорелись щёки.

— Алексей, — позвал он Хромого, — подойди.

И тут же подумал: «Нет, ему пока ничего говорить нельзя».

— Я опять в посёлок. Поговорю всё-таки, чтобы доски побыстрее приехали. Ты тут давай командуй.

— Добро.

Хромой не скрывал, что одобряет решение бригадира.

Павел опять перешёл реку и направился к дороге. Зайдя в тайгу так, чтобы его не видно было с поляны, он повернул в сторону парома.

До переправы Павел дошёл быстро. Он чуть не бежал по тайге. «Я теперь знаю, кто вор, — думал он, — теперь никуда не денется. Хитёр. Устроился в бригаду, узнал что к чему и... Да и я хорош, раньше не мог догадаться, — ругал себя бригадир, — ведь через неделю после появления этого парня в первый раз доски пропали. Врёшь, я найду эти доски, они тебе поперёк горла встанут».

Хватаясь за тонкие стволы молодых берёзок и кустарник, Павел спустился с обрыва к берегу. Парома на этой стороне не было. Он стоял у противоположного берега, дожидаясь, когда на него заедут две очередные машины. Павел подошёл к самому берегу, сел на большой, поросший мхом камень. Потом снова встал. Он не мог спокойно сидеть, когда, может быть, сейчас узнает, кто же всё-таки вор.

По тропинке, бежавшей вдоль реки у самой воды, по направлению к парому шли двое. Павел сначала не обратил на них внимания и продолжал с нетерпением смотреть на противоположный берег. А двое тем временем всё ближе подходили к переправе. Вот уже отчётливо слышно, как скрипит под резиновыми сапогами крупная, отполированная водой галька. Этот звук отвлёк Павла, и он машинально, повернув голову, начал всматриваться в приближающихся людей.

Впереди шёл невысокого роста старик в кепке, сдвинутой козырьком на самые глаза, в старой, порванной на рукаве фуфайке и в высоких болотных сапогах. Глаз старика видно не было, но выдавали года глубокие прорези морщин на дряблых, давно не бритых щеках. Вторым шёл парень. Он тоже особым ростом не отличался, но был молод и поэтому двигался как-то иначе, беззаботно, даже весело. Парень был одет тоже в фуфайку, только новенькую и от этого смотревшуюся рядом с порванной фуфайкой старика празднично. Через плечо парня висел широкий брезентовый ремень, из-за спины торчал ствол ружья.

— Доброго дня тебе, мил человек, — поздоровался старик. — Парома ждёшь?

— Жду.

— Сейчас подойдёт, давно уж там стоит. — Старик сел рядом с Павлом на камень. За стариком подошёл парень. — А что, мил человек, нет у тебя табачку? Мы вон не рассчитали, искурили всё раньше срока.

Павел полез в карман за сигаретами.

— Чего с ружьём, вроде не сезон ещё?

— Это так, — старик махнул рукой, затем, приподняв козырёк фуражки и в то же время, будто нечаянно, прикрывая глаза ладонью, вытер со лба пот, — стволы пробуем и по тайге заодно вон его вожу. Отвык, в армии был. Когда сезон начнётся, тогда зверя добывать надо, разгуливать некогда.

Павел достал из кармана пачку и молча протянул старику. Тот не брал, хотя казалось, что из-под засаленного козырька смотрел прямо на руку с сигаретами. Павел заметил, как парень осторожно толкнул старика в бок, и догадался, что тот слепой.

— Ещё одну не дашь? — спросил парень.

— Бери.

Павел протянул пачку. Парень достал одну сигарету и возвратил пачку обратно.

— Да бери ещё, чтобы хватило.

Парень покачал головой.

— Мы и так лишнего... А если бы тебя не встретили, что тогда?

— Молодец, паря, — закашлявшись, прохрипел старик, — чувствует-ся отцова школа. Тот тоже был любитель над собой поизмываться. — И уже повернувшись к парню: — Тебе надо вериги под рубашку, вместо нательного, в самый раз бы пошло.

Парень недовольно поморщился, отвернулся в сторону и то ли сказал, то ли попросил:

— Кончай, дед.

Но старик продолжал.

— Нам бы всем вериги одеть, да не на тело — на души. Очерствел народ, позабыл, как сердцем маяться, как за чужую боль страдать. А ведь плохо это, ой, плохо... — И словно позабыв, о чём только что думал, начал говорить совсем о другом.

— Ну ты посмотри, что делается на свете. Разве это порядок. Он ещё мальчишка, жизни не видел, а уж с собой из армии, из чужой страны, вон какое ружьё привёз. И ведь разрешили. Как называется-то оно? Уж больно мудрено, не выговоришь.

— Винчестер, — недовольно пробурчал парень.

Он ещё что-то говорил, но Павел его больше не слушал. «Винчестер», — повторил он про себя. Затем ещё раз уже по слогам: «Вин-чес-тер». Павел пытался вспомнить, что связывает его с этим словом, и никак не мог. Но где же Павел его слышал?

Старик с парнем докурили, затоптали брошенные на песок окурки. Павел отметил про себя — у воды, а огня боятся. Путники, простившись, пошли дальше вдоль реки — старик впереди, парень сзади.

Наконец причалил паром. Его борт стукнулся о причал и заскрипел, будто готовый вот-вот развалиться. Медленно съехали с парома две бортовые машины, нагруженные доверху коричневыми туго набитыми мешками, громко стуча колёсами, прокатилась по настилу телега. Павел дождался, когда опустел паром, и шагнул с пристани на палубу.

Паромщик, мужичок лет сорока, на вопрос бригадира отрицательно покачал головой.

— Нет, не было. Вот кирпич возили... А ночью паром не работает. Я один, сменщика не дают, так ночью я уж и не работаю. Отдыхаю.

«Теперь всё ясно, — думал Павел, — доски могут быть только на станции. В тайге прятать всё-таки не станут, трудно».

Уже порядком отойдя от берега, Павел услышал за спиной шум мотора. Видно, паром успел туда и обратно сходить. Из-за поворота показалась машина. Павел поднял руку.

«Винчестер, от кого я слышал это слово, где, — думал Павел, сидя в кабине машины. — Может, уже встречался с этим стариком? Ерунда. Ружьё внук привёз недавно из армии, значит, если я раньше и видел старика, то про эту штуковину всё равно слышать от него не мог. Тогда от кого? Старик. А страшен он! Нет, такого не забудешь. Раньше я его не видел. Что у него с глазами, если он так боится их показать? Со зверьём всю жизнь дело имел, мог и вообще без головы остаться. Винчестер. Этот старик ещё помнит, как на медведей с рогатиной ходили. Сам, наверно, ходил... Только чего он там про вериги говорил. На души бы их одеть! Х-х-х — не плохо бы. Ерунда, не поможет. Пока всякая нечисть землю топчет, ни одни вериги не спасут. А собственно, от кого спасаться нужно, от самих себя. Если нет, тогда от кого? Нас спасти от вора?.. А от кого спасти вора? От нас? Зачем его спасать? Но разве он не человек?.. Понесло! Нужно найти доски, которые прошляпил, а не себя оправдывать. Любим быть чистенькими».

Но в этот день Павел доски так и не нашёл. Он медленно, будто прогуливаясь, ходил по станционному посёлку из одного конца улицы в другой, затем переходил на другую сторону, затем вообще на другую улицу. Дома в посёлке стояли по пять-шесть в одну линию, образуя между собой небольшие и голые, без всякой посадки, улицы. И поэтому, тщательно осмотрев одну из них, Павел переходил на следующую. Так он осмотрел весь посёлок, не пропустив ни одного дома, — досок не было. Павел ругал себя от бессилия, злился. Но разве могло это помочь? Он понимал — нужно успокоиться и подумать, ведь не может быть, чтобы не было никакого выхода. Конечно, он есть, надо только его найти и, главное, искать...

До темноты Павел осмотрел весь посёлок. Он заглянул во все закоулки, во все заброшенные сараи, но досок не было. Только когда стемнело и люди, давно пришедшие с работы, начали обращать на Павла внимание, подозрительно посматривая в его сторону, он прекратил поиски и пошёл к магазину в надежде встретить там попутную машину в сторону стройки.

Около магазиналюдно. В посёлке всегда здесь в это время много народу, а сегодня, когда железнодорожникам выдали зарплату, было больше обычного. Люди толпились около прилавка, что-то высматривая, спрашивали продавца о ценах и просто разговаривали между собой. Где ещё так сразу со многими знакомыми повстречаешься.

Павел вошёл в магазин следом за полной, неряшливо одетой женщиной. Та начала пробираться к прилавку, работая локтями и не обращая внимания на неодобрительно загалдевшую очередь. Павел хотел купить сигарет на всю бригаду, но очередь большая, да и устал бригадир за сегодняшний день. Павел повернулся к двери и в это время через окно увидел, как к магазину подъехал самосвал. Из кабины выпрыгнул мужчина в потёртой кожаной куртке.

— Привет честной компании, — громко поздоровался он со всеми, войдя в магазин.

— Ты куда это собрался на ночь глядя, Матвей? — спросила полная женщина.

— В райцентр.

— К Любке? Вот приедет её Василий, он вам устроит.

Женщина отвернулась к прилавку, заговорила с продавцом.

Матвеем разрешили всё купить без очереди. Павел вышел из магазина. На улице совсем стемнело, в воздухе стояла вечерняя сырость, и было такое ощущение, словно вокруг вывесили сушить много сырого белья. Павел подошёл к самосвалу и стал поджидать хозяина. Вскоре появилась Матвей. Он нёс в обеих руках по большой бутылке пива, из кармана куртки выглядывало горлышко бутылки водки. Свёрток с хлебом и консервами он держал под мышкой.

— Я слышал, ты в райцентр едешь? — спросил шофёра Павел. — Меня не подбросишь?

— Садись.

Павел забрался в кабину. Он видел через открытую напротив дверку, как Матвей откупорил бутылку водки и прямо из горлышка стал пить. Сделав несколько глотков, он оторвался от бутылки, поморщился, заткнул горлышко самодельной бумажной пробкой и сунул бутылку в карман.

— Ну, поехали.

Матвей залез в кабину, включил зажигание.

— Не зря ты это? — Павел показал глазами на бутылку.

— А-а, ерунда! Я же чуть-чуть... У тебя курить есть? Выпив да покуривая ехать веселее.

Они закурили вместе. Хрустнули, включая скорость, шестерни коробки передач, и машина, задрожав, рывками тронулась с места.

В кабине темно, и лишь, отражаясь на лобовом стекле, светятся две точки, иногда разгорающиеся до ярко-красного огонька, когда кто-нибудь затягивается. Боковое стекло со стороны Павла негромко звякало, оттого что было неплотно вставлено в дверку. И от этого спокойно, приятно становилось на душе. Да и сама кабина с негромким звяканьем стекла, двумя горящими точками на лобовом стекле и с шорохом ветра, который расплёскивался в стороны от машины, казалась сейчас уютной и по-домашнему тёплой, укрывающей от ненастного где-то за стеной кабины мира... А где он, дом? Когда он был? Иногда Павлу не верилось, что когда-то он после работы возвращался не в пропахший табаком и

потом вагончик, а в свою квартиру. Неужели это было? Приходят и уходят люди, возвращаясь к себе, в свои родные дома. В бригаде, за малым исключением, они появляются только на время: кто денег заработать, кто тоску разогнать, кто за романтикой. А он, бригадир, остаётся. Почему? Наверно, из-за того, что дома нет. А может, другое. Тайга стала его домом. Поэтому Павлу идти-то и некуда. Некуда да и незачем.

И всё-таки сейчас не это тревожило бригадира, другое. Он никак не мог забыть сегодняшней встречи у паррома. «Ещё это ружьё. Да мало ли народу по тайге ходит». Но Павел не смог обмануть себя. И память медленно возвращала его в прошлое, когда-то с таким трудом забытое. Павел уже чувствовал, как начинают неметь руки от холода, как заныло от боли правое плечо, а лицо колют впившиеся в кожу льдинки. Где-то совсем рядом, у самого уха, хлопает в бег под снежным козырьком река и...

— Слушай, мы так с тобой не доедем, с тоски сдохнем, — неожиданно заговорил Матвей. — Лучше рассказал бы чего. Ты сам откуда?

Павел очнулся. Он не понял, что его удержало сказать сразу правду. Может, оттого что Матвей неожиданно спросил, или недоверие к людям, в котором он окончательно убедил себя сегодня ночью, было тому виной, а может, загрезившие в сознании воспоминания, только бригадир ответил неожиданно для себя самого:

— Из райцентра.

— Как же тебя на станцию занесло?

Павел ответил не сразу. Он долго, словно размышляя о чём-то, смотрел перед собой, потом негромко сказал:

— Дело было.

— Какое?

— А тебе зачем знать?

— Так, любопытно. — Матвей улыбнулся. — Ты что же про свои дела говорить боишься. Секретные они у тебя?

— Да нет... доски искал.

— Доски? — удивлённо переспросил Матвей и замолчал.

А Павел в это время подумал: «Может, сыграть? Прикинуться, что доски ищу, нужно дом отремонтировать. Может, он знает, у кого есть, подскажет. Намекнуть надо, что не пожалею, дам сколько нужно».

— Много тебе досок?

— Дом хочу отремонтировать, пол перестилать, ну и ещё есть дела.

— Где же ты возьмёшь столько?

— Может, кто продаст. Я ведь не за спасибо, заплачу.

— Никто не продаст.

— Почему?

— Потому что нет их ни у кого в посёлке.

Павел отвернулся от Матвея, посмотрел в боковое окно.

— В посёлке нет, в другом месте найду. Ремонт делать надо.

Матвей не ответил. Машина продолжала ехать, освещая перед собой дорогу белым густым светом. На тайгу опустилась глубокая ночь, обезличив, расплавив и слив в единую бесформенную массу всё вокруг. Матвей разговора о досках больше не начинал. Он вообще сидел молча, лишь изредка насвистывая какую-то мелодию.

Попала в лучи фар и тут же исчезла в темноте отходящая от главной дороги узкая дорога-просека на строительство моста. «Может, лучше остановить, — подумал про себя Павел, — он, видно, всё равно ничего не знает... Или попробовать заговорить с ним ещё раз? Попробую ему самому предложить деньги за помощь».

— Послушай, как же мы через реку переберёмся, ведь паром уже не работает?

Эта мысль пришла Павлу так неожиданно, так он сам был удивлён ей, что спросил про паром у Матвея, прежде не подумав, а действительно, почему тот так смело едет в райцентр.

— Ерунда, — Матвей хмыкнул и, когда снова заговорил, то в голосе его послышались нотки превосходства, — у меня паромщик приятель, перевезёт.

Павел вытащил из кармана кошелек, достал деньги и протянул Матвею.

— Тогда на, заплатишь за переправу, и мы в расчёте.

— Годится.

Матвей, не отрывая взгляда от дороги, чуть светящейся пылью под лучами фар, взял деньги, сунул в карман куртки.

Впереди показалась река, а вскоре и паром. Он стоял причаленным к этому берегу. Машина спустилась с холма, не остановившись, въехала на палубу парома и только там затормозила. Матвей заглушил мотор, и в кабине стало непривычно тихо.

— Я пойду за Лазарем, — заговорил Матвей, голос его в тишине кабины раздался непривычно громко, — ты посиди.

Павел сонно кивнул и, откинувшись на мягкую спинку сиденья, нагнул на глаза фуражку, всем видом показывая, что собирается спать. Через некоторое время он услышал разговор. Говорили шёпотом. Один голос был Матвея, другой — паромщика.

— Сегодня ко мне мужик один приходил, — говорил паромщик Матвею, — про доски спрашивал, не перевозил ли я кого с ними. Сдаётся мне, со стройки он. Не твоих рук это дело, а, Матвей?

— Заткни глотку!

— Да я что. Только предупредить тебя хочу на всякий случай. Вдруг чего...

— А чего? Чего вдруг?

— Ну, это я так.

— Ладно, тихо, — зло зашептал Матвей, — я не один, попутчика везу.

— Понял, понял, — заторопился паромщик уже тише, — сразу предупредить надо было.

— Кто знал, что ты языком молоть начнёшь.

Наступила пауза. Павел услышал осторожно приближающиеся шаги. Ему даже показалось, что пытались ступить на носки, а не на всю ступню. Кто-то подошёл к кабине, заглянул в неё и затем так же осторожно отошёл.

— Спит он у тебя, что ли?

— Кто его знает.

— Хотел посмотреть, может, знакомый. Да не видно ничего, темно.

— А что там смотреть, не в музей.

— Это я знаю. А проверить на всякий случай не мешает.

— Ладно, замолчи. Надоел ты мне... Шерлок Холмс.

— Лучше вспомни, сколько раз за мою подозрительность мне спасибо говорили. Да и ты тоже говорил, или забыл?

Матвей не ответил, и шёпот затих.

Наконец паром стукнулся бортом о причал. Почти тут же в машину забрался Матвей. В кабину ещё раз попытался заглянуть паромщик, но дверка захлопнулась и самосвал тронулся с места.

Павел сдвинул с глаз фуражку, будто только что проснулся, зевнул, прикрывая ладонью рот:

— Переправились уже?

— Переправились... А ты ну и спать. Я только отошёл от машины, вернулся, гляжу, а ты уже готов.

— Целый день на ногах, немудрено свалиться. Побыстрее бы до дома добраться, устал.

Впереди замаячили огни райцентра. Дорога с этой стороны реки была лучше, покрыта асфальтом. Машина ехала быстро. Скоро замелькали фонари на столбах. «Что же придумать, как про доски спросить. У него наверняка есть связи со всеми этими...»

— Тебе где остановить? — перебил мысли Павла Матвей.

— Сейчас сразу за поворотом.

Заехав за поворот, машина остановилась. Павел, немного помедлив, открыл дверку кабины.

— Постой, — остановил его Матвей, — не торопись.

Павел, сделав удивлённое лицо, повернулся к шофёру.

— Чего? Я же заплатил, хватит.

— Так доски тебе нужны или нет?

— Нужны, — и Павел снова повернулся к Матвею боком, будто собираясь выпрыгнуть из кабины.

— Да постой, выспишься ещё, успеешь. А вот доски где без меня возьмёшь. У моего знакомого, кажется, есть. Я поговорю, может, продаст.

— Если согласится, я куплю.

Матвей негромко засмеялся.

— Тогда магарыч поставишь за труды. Что же я, за просто так хлопотать буду.

— Поставлю.

— Как тебя найти? Давай адрес.

— Нет, адреса я тебе не дам.

— Боишься, — опять усмехнулся Матвей.

— Я тебя не знаю, и неизвестно, к другу ты сейчас с моим адресом пойдёшь, или...

Матвей опять шмыгнул носом. Павел не видел его лица, но чувствовал, что тот улыбается.

— Сам что предлагаешь?

— Встретимся здесь, около этого дома, часов в девять вечера, завтра. Идёт?

— Решено.

— Тогда бывай, пошёл я.

Павел спрыгнул с подножки кабины на землю, захлопнул двери и пошёл по направлению главной улицы. За спиной он услышал, как заработал мотор уезжающей машины.

6

Возвращаться обратно дорогой, той, по которой приехал в райцентр, Павел не стал. Он не боялся опять встретиться на ней с Матвеем, но сознание сверлила неприятная мысль. «А что если он всё-таки вернётся на станцию? Тогда всё пропало». Конечно, доски могли быть и не с бригадной стройки. Кто-то и вправду купил на свои нужды, да не рассчитал, лишку получилось. Осталось добро, а это же деньги. И всё-таки что-то настораживало Павла в самом Матвее. Причиной тому был подслушанный разговор на пароме. Да и сам Матвей... уж слишком он до водки охоч, за рулём пьёт — куда дальше.

Пройдя несколько перекрёстков, Павел свернул с главной улицы в переулок. Районный центр по своим размерам был небольшим, и бригадир знал его хорошо. Частенько приходилось бывать здесь — кирпичный завод на этом берегу стоит.

Темно. Света в окнах домов почти нигде нет, а там, где уцелевшие фонари выхватывали из темноты круги, словно пробивая в ней светлые колодцы, выдвинулись то угол низенького одноэтажного домика, то палисадник с высоким, в человеческий рост, частоколом штакетника.

Но вот дома кончились, и последний фонарь, сиротливо стоявший меж тёмных сараев, уже освещал своим кругом на земле начавшийся за окраиной городка пустырь с перекопанной, заваленной горами мусора по обочине дорогой. Пока Павел шёл по ней, то несколько раз оступился и чуть было не упал.

— Здесь и на тракторе не проедешь, — специально вслух, чтобы подбодрить себя, выругался он.

Вскоре Павел забрался на невысокий холмик и там вышел на ровную полосу асфальтированного шоссе, решив дальше идти по нему. Так можно было дойти до переправы, потом вдоль берега реки подойти к стройке, а там по недостроенному мосту перейти на другой берег.

Павел оглянулся. Сзади виднелись редкие огни уже спавшего районного центра.

Бригадир почти натолкнулся на деревянную пристань, к которой причаливал паром, и только теперь заметил движущуюся в сторону маслянисто-густую тёмную воду.

— Придётся здесь подождать. Как светать начнёт, тогда и пойду. Разве в такую темень по тайге проберёшься.

Павел специально говорил хоть и негромко, но вслух, стараясь убедить себя не идти ночью вдоль реки и успокоиться, потому что темнота и тишина начинали давить на сознание.

Он сошёл с причала, на ощупь прошёл несколько шагов в сторону и, потеплее укутавшись в куртку, лёг под каким-то кустом, почти неразличимым в темноте, на мягко провалившийся под его телом мох, закрыл глаза. Только сейчас он по-настоящему почувствовал, как устал. Сильно ныли ноги, будто их выкручивали, болела спина и очень хотелось есть. В желудке урчало, к горлу подкатывала комом тошнота. Павел попытался заставить себя уснуть, но через какую-то минуту поймал себя на мысли, что опять о чём-то думает, тяжёлом и неконкретном, словно пытается разглядеть лицо незнакомого человека на тёмной и нерезкой фотографии. И тут Павел не выдержал. Мысль, которая вот уже давно пыталась всплыть в сознании и которую он с особым ожесточением гнал от себя, прорвалась и только сейчас бригадир окончательно понял, насколько тяжела и горька она. Видно, не зря сознание противилось ей, защищалось от неё. «Да что, мне одному эти доски нужны?! Почему только я должен этого ворюгу искать, а им всем дела нет! Наелись, храпят в постелях». Павел представил, как хорошо сейчас было бы лежать в своей кровати в вагончике, в тепле, сытым, и от этого ещё муторнее стало на душе. «Им пусть хоть всё пропадёт, бровью не поведут. Кругом одно равнодушие».

Павел зашевелился, поудобнее устраиваясь на мху, и вдруг почувствовал, как что-то прохладное дотронулось до его лица, словно успокаивая. Он понял: это ветка куста, и всё-таки сердце в груди заколотилось часто и взволнованно. Мать! Это она так делала, давно, когда он ещё мальчишкой заболел и слёг. Жар был настолько сильным, что порой казалось: ещё немного и голова расколется. Но мать дотрагивалась своей ладонью до лба, и становилось легче, и голова будто не так болела, и, самое главное, не хотелось плакать. Слёз Павел не любил даже в детстве.

Он не заметил, как заснул. Тревога, весь день не покидавшая его, наконец сжалась и отпустила. Павлу снился родной дом, снилось, что он болен и хочет пить. Мать приносит ему воды в своих ладонях, и сквозь пальцы её капает ему на лицо маленькие водяные жемчужины. Но он не пьёт, а только смотрит, как капает вода с ладоней, просвечиваемых солнцем. Они красные и нежные, эти ладони, и непреодолимое желание влечёт Павла приподняться и дотронуться до них губами. Он пытается встать и не может, а мать улыбается и снова дотрагивается влажной ладонью до его щеки. Павел сквозь сон чувствовал эту ладонь. И не знал он, что это тайга веткой куста, даря прохладу и воспоминания, прижалась к его щеке. И не вода из ладоней матери, а мелкий, снова начавшийся крапывать дождик падает ему на лицо. Тайга... Она сейчас вместо матери успокаивает и лечит душу от обиды, наклонившись вершинами деревьев над большим, сильным и таким беспомощным сейчас человеком.

Павла разбудил долгий автомобильный гудок. Он открыл глаза. Светало. Противоположный берег реки был уже виден. Павел осторожно повернулся на бок, так, чтобы можно было разглядеть причал. Сквозь

негустую зелень куста смородины он увидел машину. Это был самосвал Матвея.

Вскоре подошёл паром.

— Матвей, это опять ты?

Паромщик говорил шёпотом.

— Я. Давай на ту сторону.

— Сейчас, сейчас. Ты чего рано вернулся, случилось что?

— Ничего не случилось, всё нормально.

Матвей говорил, с трудом ворочая языком. Он был пьян.

— Ну и хорошо... Только как за рулём такой сидишь? Ох, докатаешься ты к этой стерве. Беды бы какой не приключилось.

— Вот это уже не твоя забота.

Матвей с трудом вылез из кабины. Паромщик придержал его, усадил на подножку и укоризненно заговорил:

— Да разве можно так-то...

Матвей покачивался из стороны в сторону, с трудом удерживая равновесие, и молчал. Наконец проговорил:

— Точно, перебрал я, — и поднявшись, придерживаясь рукой за открытую дверку кабины, — подожди, пойду умоюсь.

Матвей спустился к реке, долго плескал водой себе на лицо, с трудом удерживаясь, чтобы не упасть.

— Не слышал, когда мост-то построят?

Паромщик громко захлопнул дверку кабины, сел на подножку.

— А ты чего копошишься? Чувствуешь, хвост скоро прижмут? — Матвей засмеялся по-пьяному громко, даже икнул. — Скоро кончится коту масленца... А ведь хорошо ты с этого паромчика за переправы имел. Теперь всё, перестанет наш брат тебе хрустящие давать.

— Уйду я отсюда.

— Катись.

Матвей вытирал лицо тряпкой, которую достал из кармана, и поэтому паромщик не расслышал ответа.

— Что ты говоришь?

— Катись, катись, обирать здесь больше некого будет.

— Да уж ладно, скажешь тоже... обирать.

Матвей подошёл к машине, сел рядом с паромщиком на подножку и тяжело потряс головой.

— У-у-у, мать твою! — Он потрогал волосы. — Скоро построят мостик и смоет тебя отсюда... И живёшь ты по-скотски, Лазарь.

— Ну, ты!

Лазарь встал с подножки, угрожающе надвинулся на Матвея. Тот взглянул на паромщика снизу вверх и чуть ткнул кулаком в живот.

— Уйди, прибью, — сказал он спокойно, даже лениво. Паромщик помолчал и отошёл от Матвея.

Павел лежал за кустом и не шевелился. Он подумал, что сейчас должна начаться драка, но паромщик больше к машине не подходил, только спросил недовольно, продолжая держаться на расстоянии:

— Переправляться будешь или нет?

Матвей промолчал, затем, не отвечая на вопрос, снова заговорил о своём.

— Скажи, Лазарь, ведь есть у тебя деньги.

— Откуда тебе знать, что у меня есть, а чего нет, — перебил тот Матвея.

— Я знаю, я про тебя всё знаю, но сейчас не об этом. Другое понять хочу. — Матвей снова икнул и от этого негромко засмеялся сам над собой. Потом ткнул пальцем себе в грудь и опять заговорил. — Ну ладно я. Два срока отмотал, жизнь всё одно загублена. — Он махнул рукой. — Но вот смотри, заработал я деньги, левые или законные — неважно. Пошёл в магазин, купил чего полагается, тут ясно для чего деньги. С моралью ко мне не лезь, я понимаю, нехорошо это, но что поделаешь, жизнь наперекосьяк пошла. А вот зачем они тебе, хоть убей не пойму. — Матвей неловко

развёл руками. — Не пьёшь, живёшь как собака в конуре, кругом глуши, грязь. И никакой радости ты от тех денег не видишь, так, лежат они у тебя спрятанными в каком-нибудь укромном месте, и всё. Эх, не пойму я тебя, Лазарь, не пойму. Видно, жаден ты очень. Так, что ли, Лазарь? Или, может, нет, так ты скажи, растолкуй мне, дураку необразованному, для чего умные люди собирают по копейке, копят всю жизнь, а никакой пользы от тех денег не имеют... Ну, чего молчишь, растолкуй! — После этих слов Матвей повернулся к паромщику. Лазарь продолжал молчать. Не дождавшись ответа, Матвей опять по-пьяному вяло махнул рукой. — Ох-х, молчишь, а хочешь, я тебе скажу, почему молчишь? Хочешь? Это не из-за того, что тебе ответить нечего. Не-е-т. Тебе есть что сказать, ты только думаешь, зачем я этому пню объяснять буду, мол, мужиком родился, мужиком помрёт и всё равно ничего не поймёт. Так ведь? Можешь не отвечать, я и без ответа знаю, что так. От тебя сомнением, как от меня самогоном в праздники, аж за версту прёт, самым умным и хитрым себя считаешь. Да вот только в чём дело. Если бы ты один такой был. А то ведь вас немало. Ты небось мечтаешь: накоплю денег и уеду из этой глуши в тёплые края, поживу вволю. Ведь так? Ну ответь, не молчи. Я ещё одного такого знаю. Он тоже крутится, скрывает чего-то, думает всех обмануть, а того понять не может, что приглядишься к нему, — Матвей зло плюнул, — всё наверху, вся эта гадость из него так и прёт.

Паромщик по-прежнему стоял, облокотившись о перила причала, и не отвечал.

— Только зря ты, Лазарь, так думаешь, зря. Вот, к примеру, сработали мы с тобой дело, поделили деньги, нечестные, с запашком, а мы их всё равно поделили, и пойду я на другой день гулять. На работу не выйду. За неделю всё промотаю. А ты спрячешь их и всё равно никуда не уедешь, потому что тебе опять мало покажется, ещё захочется. Вот это тебя и погубит, помани моё слово. И радости в жизни ты никакой не увидишь, даже такой дешёвой, как я от своих... Видишь, прав я. Тебе эти деньги даже мне по морде не дают съездить, боишься — покалечу и деньги твои почём зря пропадут. Не себя жалеешь — их. А если и вправду попробуешь поперёк слово сказать, точно покалечу, не пожалею, потому что не за что тебя жалеть, мразь ты. — Матвей достал из пачки сигарету, закурил. Затем протянул пачку паромщику. — Дыми, покурим и двинемся.

Паромщик всё так же молча подошёл, закурил.

Павел в своём укрытии устал лежать на боку, перевернулся на спину. Около машины кто-то из двоих закашлялся, и снова послышался голос Матвея.

— Ладно, лирические отступления кончились. Я не псих, просто понять хочется некоторые вещи. А вообще, дело у меня к тебе, Лазарь.

Услышав это, Павел резко повернулся на бок. От этого неслышно колыхнулась ветка куста, но с пристани этого не заметили. Павел увидел, что Матвей держит в руках что-то наподобие бумажника и, достав оттуда деньги, протягивает их паромщику.

— Держи. Завтра ночью жди меня на том берегу.

— Дёшево покупаешь, Матвей.

— Чего-о? — Матвей, уже было садившийся в машину, опять прыгнул с подножки, пошатываясь, подошёл вплотную к паромщику и, схватив одной рукой того за грудки, отвёл другую в сторону и зло закричал шёпотом: — Если я ещё раз твой писк услышу, приблю, ты меня знаешь. Были времена, весь барак на меня работал, а уж тебя-то, голубь, я приучу.

Лазарь, держась одной рукой за левую руку Матвея, а свободной неуклюже потирая свой большой живот, заговорил быстро, глотая окончания слов:

— Всё сделаю, всё. Ох, господи! Да разве я что против хотел сказать...

Не дослушав, Матвей брезгливо оттолкнул Лазаря, снова забрался в кабину и уже оттуда сказал:

— Давай на ту сторону, хватит трёп разводить.

Когда паром переправился и машина Матвея умолкла, словно задохнулась где-то в тайге, а паромщик скрылся в своей будке, Павел вышел из укрытия и, отойдя от реки так, чтобы его нельзя было заметить с другого берега, пошёл в сторону строящегося моста.

7

Наутро Павел встал вместе со всеми. Не мог он валяться в кровати, когда другие работают. Спал он от силы часа два в эту ночь, но всё равно чувствовал себя отдохнувшим, только свинцовая усталость в ногах не проходила, и лень такая, что даже шевелиться не хотелось, была во всём теле.

Когда он ещё сидел на кровати, с трудом удерживаясь, чтобы опять не лечь и не заснуть, к нему подошёл Николай.

— Поздно вчера вернулся? А я столовую не закрывал, ужин твой на плите тёпленькой оставил, думал, догадаешься.

— Разогрей, я на завтрак съем.

— Ладно.

Николай вышел из вагончика, на мгновение закрыв собой светлый прямоугольник дверного проёма, а когда отошёл, солнце снова ворвалось в вагончик, и только тогда Павел подумал, как хорошо, должно быть, снаружи, за стенкой. Но не было сил подняться, и Павел снова упал в кровать, заснул, на этот раз чутко и ненадолго.

Прошло не больше двадцати минут, прежде чем бригадир окончательно проснулся. Он открыл глаза, полежал так не шевелясь и пытаясь до конца прийти в себя, затем тяжело приподнялся на локтях и сел в кровати.

Когда Павел вышел из вагончика, то невольно зажмурился. Казалось, что солнце на всём. Будто полило оно тайгу своим густым и светлым дождём, и та вся тепло засветилась, радостная и нетронутая, как невеста перед свадьбой. И люди, сейчас показавшиеся такими маленькими, затерявшимися среди огромных стволов на крохотной поляне, словно на смех оставленной тайгой специально для них, были чересчур веселы и шумны. Они смеялись, брызгали друг в друга водой, принесённой кем-то специально ради потехи в ведре с реки. И капли, вдруг прозрачно сверкнув, казались с такой глубиной внутри себя, что, может, это и не капли вовсе, а целые миры взлетали сейчас и падали в траву, уже приотптанную до желтизны в некоторых местах, скрывались в ней, так и не открывшись человеку. А люди смеялись и продолжали брызгаться каплями-мирами друг в друга. И тайга, всегда строгая и величественная, таинственная, сейчас показалась доброй и заботливой о тех, кто живёт в ней. Поддавшись общему веселью, пролетела над поляной кедровка, села недалеко от людей и смотрит, изредка передвигаясь по суку то влево, то вправо.

— А ну держись! Ра-а-з!..

Прихрамывая, на поляну со стороны реки выбежал Хромой и с ходу плеснул целым ведром на брызгающихся. Те гортанно, с хрипотой, закричали и засмеялись, побежали за бросившимся обратно с поляны Хромым, догнали и под восторженный гогот и всеобщее удовольствие вылили остатки воды из своего ведра тому на голову.

— Так вы, да, так! За мной останется! Мой должок!

Хромой, звякая пустым ведром, побежал к реке. Все, кто был на поляне, бросились следом.

Павел сел на невысокий порожек вагончика, улыбнулся. И тут ему показалось, что тайга тоже улыбается снисходительно и добро. Как увидел, этого он не мог объяснить себе. Где эта улыбка? В чём? Шелохнулась ветка на старой ели, росшей у края поляны, и будто это морщинка по-

ползла по старческому лицу от улыбки. Крикнула птица — это уже смех, довольный и озорной, будто свою молодость старая вспомнила.

— А-а! О-о! А-а-а!.. Ну, держитесь!

Голос Хромого послышался от реки. После смех и всплеск воды.

— Загребай, Алексей, загребай — выплывешь! Штаны высушить можно, не переживай!

Алексей что-то истошно орал в ответ, смеялся.

— Холодная, стерва, аж ноги сводит!

От реки вновь послышался смех, чей-то крик, снова всплеск и голос Хромого.

— Теперь ты поплавай! Ну как, Коленька, гоже?

И тут случилось что-то с Павлом. Представил он, какая сейчас вода в реке — холодная, освежающая. И так захотелось попить эту воду, зачёрпнув в ладони, умыться, что бригадир не выдержал, вскочил и бегом бросился к реке. Сердце охватил восторг, лёгкость появилась в теле, и дышать стало свободнее, и сам воздух сделался будто вкуснее, и ощущение, что не дышишь им, а пьёшь, как светлую родниковую воду, пропахшую вкусным запахом земли, наполнило рот, грудь, всё тело.

Уже почти добежав до реки, Павел споткнулся о торчащий в траве корень, упал, ударившись локтем о камень, но боли не почувствовал. Густой запах сырой земли ударил в нос, и лицо, уткнувшись в траву, почувствовало сырость и прохладу росы.

С берега засмеялись. Павел посмотрел вперёд, через траву, и увидел разрешённых зелёными стебельками, которые сейчас показались Павлу выше человеческого роста, людей из своей бригады, мокрых, с сырых волос капает вода, кожа поблёскивает. Река светлая, словно это и не вода, а сам блеск, свет течёт мимо неширокой искрящейся полосой. А за рекой, на другом берегу, тайга, тоже облитая солнцем, будто умытая.

Павел поднялся, подошёл к остальным. Николай, только что выбравшийся из реки, прыгал на одной ноге и тряс головой. Мокрые брюки рядом на камне раскладывал по пояс раздетый Валька.

— Что, не зря тебе помощника дали, пригодился?

— Точно, — ответил бригадиру Николай, не переставая прыгать.

Павел не заметил, как сзади к нему подошёл Хромой. Он только услышал: «А ну, давай бригадира в воду, чтобы проснулся!» — и почувствовал, как схватили его сзади за плечи, да так, что рукой не шевельнуть, и тут же бросились на него со всех сторон Николай, Валька, ещё кто-то, подняли, понесли и — ах! Мелькнуло небо, до громадности голубое и с яркой, горячей точкой солнца, затем сочная, изумрудная зелень тайги и... Тело обожгло, словно в него впились тысячи игл, перехватило дыхание. Павел не успел закрыть глаза и поэтому увидел, как сомкнулась над ним вода, светлая и беспокойно ребристая, пузырьчатая, словно вскипевшая.

Павел вынырнул, широко открыл рот, но воздуху не хватало. А река понесла его с собой, играя и принимая шутку людей.

— Вот, вот... — Павел не мог вымолвить слово, задохнулся начавшим его душить смехом.

Бригадир выбрался на берег. Брезентовые штаны тяжело намокли, идти в них было трудно.

— Разбегайся, сейчас шугать начнёт!

Все бросились от Павла врассыпную.

— Не трону, не бойся, — негромко и смущённо ответил Павел, насупившись, пытаясь убрать с губ улыбку. Но этого не получалось.

Завтракать решили на берегу. Николай сбегал к себе на кухню, принёс ведро картошки, сырых яиц сверху, хлеба по кирпичу под каждой рукой и чайник. Быстро развели костёр, напекли картошки. Яйца пили сырыми и всё это заедали хлебом, отламывая ломти от лежащих в траве буханок. Люди были с головы до ног мокрыми и довольными. Ели быстро, с аппетитом, много, продолжая смеяться и незло переговариваться, дразня и поругивая друг друга.

А вода шумела около деревянных опор моста, блестела мелкой волной и, казалось, тоже смеялась, заражённая общим весельем, сверкала яркими бликами, отражая солнце.

— Что, скоро будут доски? Что вчера сказали?

Павел не видел, кто спросил, но по голосу понял, что Фёдор.

— Скоро.

Павел посмотрел на Вовку. Он избегал встречаться с ним взглядом, боялся, что выдаст себя, и всё-таки не выдержал. Парень, жевавший хлеб, встретился взглядом с бригадиром и поспешно отвернулся. «Не спугнуть бы. Только бы не спугнуть раньше времени». Павла обеспокоила пришедшая мысль и от этого он поспешно сказал:

— Ну, поели? Теперь за работу пора. Давай, ребята, поднимайся.

Мост был почти готов. Оставалось доделать пустяки: вырубить кое-где углубления для стыков, кое-где потуже укрепить сваи с распорками да приготовить перила из деревянных брусков. В конце дня к Павлу подошёл Хромой. Бригадир перестал рубить, опустил топор и слегка воткнул его в валяющуюся рядом чурку.

— Чего делать будем? На завтра без работы остались.

Павел устало сел на бревно. Хромой опустился рядом и полез в карман.

— Закурим, что ли?

— Не хочется, — недовольно ответил Павел. И немного помолчав, — послушай, когда был я вчера в посёлке, облазил его весь вдоль и поперёк. Нет там досок.

— Спрятали, — коротко ответил Хромой, не выказывая особого желания продолжать разговор на эту тему.

Павлу захотелось рассказать, что он уже почти нашёл вора, но что-то удержало его, как и вчера в машине. Он опять почувствовал вскипевшую в нём обиду. «Выходит, ему всё равно, есть доски или нет. Даже говорить о них не хочет... А мне что, они больше всех нужны!».

— Равнодушие!

Хромой повернулся к бригадиру.

— О чём это ты?

Павел, не отвечая, взял топор и начал тесать бревно, на котором только что сидел. Хромому ничего не оставалось, как тоже подняться.

— Паш, покури, чего зря торопиться.

— Да пошёл ты!

Хромой, не ожидавший такого ответа, замолчал, не договорив, постоял ещё немного и ушёл. А Павел рубил топором, и каждый раз, когда металл впивался в круглый бок дерева, зло повторял: «Равнодушие, равнодушие, равнодушие...»

— Послушай, бригадир.

— Ну, чего ещё.

Павел перестал рубить, выпрямился. К нему быстро подошёл Фёдор.

— Может, мне съездить на станцию или в райцентр, людей поспрашивать. Не провалились же наши доски сквозь землю. Всё равно завтра без дела сидеть, а так, может, польза будет.

Павел переложил топор в левую руку, правую вытер о куртку.

— Тебе что, больше всех нужно? Вон остальные в ус не дуют, всем плевать... Не надо никуда ездить, — уже без раздражения сказал Павел, — будут у нас доски... и гада того найдём.

Фёдор пожал плечами.

— Я хотел как лучше.

Он ещё немного постоял, видно, хотел что-то добавить, но, так и не решившись, повернулся и пошёл прочь.

На этот раз Павел ушёл с поляны, никому ничего не сказав. Он перешёл по недостроенному мосту через реку и вдоль берега пошёл к парому. Не доходя до него, свернул в тайгу и затем вышел на дорогу, остановил попутку. Ровно в девять подошёл к дому, у которого договорились встретиться с Матвеем. Но ни Матвея, ни машины около него не было. Тогда Павел отошёл к соседнему дому, сел на скамейку в сумрачной тени палисадника, так, чтобы его не было видно со стороны главной улицы.

Наконец появился самосвал. Он подъехал к условленному месту, из кабины выпрыгнул Матвей. Помедлив, Павел поднялся со скамейки и направился к машине. Матвей, заметив его, стал негромко напевать бластную песенку.

— Конспирируешься?

— Как с досками? — Павел сделал вид, что не расслышал вопроса. — Будут?

— Будут. А ты что — торопишься?

— Чего болтать пустое. Когда привезёшь?

— Жди часов в пять утра, здесь же. Покажешь, куда сваливать. Деньги не забудь приготовить, — уже из кабины прокричал Матвей.

Машина уехала. Павел ещё постоял некоторое время, не зная, что делать дальше, и пошёл, сам не понимая куда и зачем. В небольшом скверике возле Дома культуры сел на лавочку. В стороне, через две аллеи, слышались громкая музыка и говор. Там ярко горел свет, а на аллее, где сидел Павел, темно. И было от этого как-то по-особенному тревожно, словно кто-то разговаривал с ним в темноте.

И в какой-то момент пропала музыка, не стало слышно смеха — будто Павел остался один на много-много километров вокруг.

Павел разом понял, ощутил, что те воспоминания, которых он боялся и которые вроде бы уже успел забыть, всплыли в сознании и перенесли его на многие годы назад, в прошлое, когда он сразу после разговора с женой устроился работать в путевую бригаду железнодорожников, которая меняла железнодорожное полотно на участке Решоты — Богучаны.

Стояла ранняя сырая осень. В такую пору каждый год не работа — мучение, а в ту осень особенно. Казалось, сама стихия возненавидела людей. Холодный ветер больно, словно кто с размаху бил тяжёлой мокрой тряпкой, хлестал по лицам. Намокшие, отяжелевшие фуфайки не держали тепла, совсем не грели, и потому люди часто бросали молотки, ломы, ругались и уходили греться к костру под навес, сооружённый ими самими из старого, с почерневшими досками от жирной масляной грязи щита и срубленных в тайге, прямо у железнодорожной насыпи, нескольких берёзовых стволов. Но и там не было спасения от дождя и ветра. И тогда на второй день работы Павла подозвал к себе дорожный мастер.

— Нужно идти в Решоты. Пусть присылают вагон, иначе загубим людей и дело не сделаем. Ты пойдёшь?

До станции, если напрямик по тайге, не больше тридцати километров. Дорогу в этих краях Павел знал, к тому же снег ещё не выпал, так что к ночи можно было успеть добраться до тепла, и Павел согласился.

— Давай попробую.

Мастер снял с себя длинный, полы почти доставали земли, плащ, который в бригаде был только у него, и накинул на плечи Павла.

— Тянуть время не будем. Только поесть в дорогу возьми.

— Ладно.

Павел отломил от буханки ржаного хлеба ломоть, что убрался в ладонь, спрятал его в глубокий карман плаща.

— Ещё бы чего взял, идти-то не близко.

— Незачем, так легче.

Поначалу он шёл быстро.

Сразу, только углубившись в тайгу, Павел подался чуть в сторону, чтобы наткнуться на реку, неширокую и мелкую Пойму. Он знал, вдоль неё шла слабо наезженная, больше натоптанная скотом дорога. Затем дорога поворачивала на другую сторону, в Больники, и оставшиеся семь-восемь километров придётся перебираться через тайгу. Но это не так уж и много. Главное — выручить время тут, в начале пути, а там как-нибудь.

К Пойме Павел вышел сразу, не блуждая. Хотел по привычке напиться, но вода в реке показалась угрожающе чёрной, да и не подойти к ней. Бережки хотя и невысокие, да крутые, а там, где небольшой завал — одно-два дерева упали прямо в воду, а то до другого берега достали, — так по ним идти скользко: в сапогах не удержаться, наверняка упадёшь.

Дорогу он тоже нашёл быстро, и первые километры одолел скоро, и четырёх часов не прошло. И здесь пошёл снег. Сначала мелкий, нечистый, казалось, робевший опускаться, он подолгу кружил в воздухе и, лишь обессилев, быстро, будто с отчаянием, падал на сырую землю, чтобы растаять, исчезнуть. Затем появились хлопья покрупнее. Их становилось всё больше, больше... И повалило. За полчаса тайга преобразилась — не узнать. Посветлело вокруг, стало мягким, и идти вроде как легче сделалось, веселее. Вот только плащ мешал, цепляясь лапами за сучья валежника и бурелома, за вывернутые и торчащие огромными растопыренными пятернями корневища опрокинутых деревьев. Особенно намучился Павел, пробираясь через гари. Обгорелые стволы, хаотично нападавшие на землю после пожара, и пни, порядком истлевшие, но ещё державшиеся, не развалившиеся в труху, густо заросли кустарником и от этого сделались невидимыми. Павел несколько раз споткнулся, пока пробирался через это место, но самое неприятное было в том, что уходило время. Он понимал: скоро начнёт темнеть, надо торопиться.

Первый раз Павел решил отдохнуть, когда остались позади гари. Он выбрал место под высоким кедром, где ещё не успело навалить снега. Плотнее укутавшись в плащ, сел прямо на землю и только тут, вспомнив про хлеб, достал из кармана кусок, подержал его в горячих, от них даже пар шёл, ладонях и, отломив половину, начал медленно жевать. Другую половину спрятал в карман плаща.

Всухмятку есть было трудно. Хлеб прилипал к зубам, не проглатывался. И только теперь Павел почувствовал, как сильно хочет пить, как пересохло во рту.

Он встал. Река осталась метрах в сорока левее, и Павел решил сходить напиться.

Ему повезло. Хороший пологий спуск он нашёл быстро и уже было начал спускаться по нему к воде, когда увидел следы. Они были ещё совсем свежими. Кто-то только что оставил их в не успевшей затвердеть от холода грязи у самой воды. И поднимался человек от реки здесь, по этому же спуску.

Павел поёжился от ощущения сырости и холода.

«Кто здесь мог быть? От дороги далековато». Павел спустился к воде, но пить пока не стал. Что-то невольно притягивало его взгляд к этим следам. «Может, охотники? Да кому же ещё, как не им здесь ходить». Павел поднял взгляд от следа и увидел валявшийся в стороне неширокий обломок шифера, неглубокую яму у самой воды. «Зачем он здесь, как сюда попал?» — ещё совсем не думая о чём-то конкретном, задал себе вопросы Павел. И тут догадка, от которой сразу стало не по себе. «Шурф!» Павел понял, вернее, почувствовал, догадался, что за ним сейчас кто-то следит. Невидимый, он спрятался где-нибудь совсем рядом, в тайге. Павел быстро вскарабкался вверх, огляделся. Никого. Тогда он опять посмотрел вниз под ноги на яму и лист шифера. «Может, показалось. Не слышно было раньше, чтобы в этой реке золото мыли... Лезет в голову всякая ерунда».

Павел не успел повернуться в сторону кедра, под которым недавно сидел. Он только подумал вернуться, когда раскололось над его головой

молочно-белое небо и выплеснулись из него огонь, боль и мрак. Павел не услышал выстрела. Он только почувствовал, как ударило его что-то горячее в плечо, сбило с ног, ткнуло лицом в ещё не успевшую затвердеть землю, и та завертелась, закружилась в буйной сумасшедшей скорости, скидывая его, Павла, в тёмную, наполненную огнём и болью пропасть. Он потерял сознание. Затем оно вернулось к нему на какое-то мгновение, и в это мгновение затуманенным от боли рассудком он догадался, что с него стягивают плащ вместе с фуфайкой.

Очнулся Павел, когда стемнело, и первое, что почувствовал, — холод. Затем услышал своё дыхание и неясное шуршание снега. А плечо жгло, как огнём. Павел попробовал пошевелить рукой, и тут боль острой иглой прошла через всё тело. Тогда он отвёл в сторону левую руку, чтобы та была откинута так же, как и правая, и от этого движения опять потемнело в глазах, закружило в стремительной скорости, и Павел каким-то чудом вдруг увидел себя со стороны, сверху. Будто пролетая там, в вечернем потемневшем небе, глядел он на синевато светящуюся от снега землю и различал на ней крестик своего тела. А земля, продолжая стремительно вращаться, сжималась у него под грудью, подобно высыхающему яблоку, становилась всё меньше и меньше в размерах, пока наконец совсем не исчезла где-то там, внутри него, в груди Павла. И тогда он ощутил невесомость, лёгкость в теле. Под Павлом не было земли. Она теперь билась в груди вместе с сердцем, и миллиарды звёзд отвечали пульсирующим светом в одном ритме вместе с сердцем Павла.

Когда Павел снова открыл глаза, первое, что увидел — это нависшие над самой головой чёрные и закопчённые доски потолка. На какое-то время в сознание пришла мысль, что это крышка гроба, и от этого, не удержавшись, Павел вскрикнул, попытался приподняться, но острая боль в правом плече вновь бросила его на спину. Тогда Павел решил немного передохнуть и тут подумал: «Свет. Откуда он может быть в гробу».

— Что, очнулся? — раздалось в самое ухо. Затем послышался кашель, неприятный, натужный. Павел медленно, ещё окончательно не веря в голос, повернул голову и прямо перед собой увидел лицо старика, морщинистое, с узкими в прищуре глазами и длинной, густой, белой от седины бородой.

— Испугался? Ничего, главное, что заговорил.

Лицо старика поплыло куда-то вдаль, и тут Павел окончательно пришёл в себя. Он увидел старую керосиновую лампу. Казалось, она висела между потолком и, должно быть, глубоким полом. Но затем, когда глаза немного попривыкли, Павел разглядел и стол, на котором стояла лампа, и пол, и старика около стола, что-то переливающего из кружки в бутылку.

— Где я?

Павел думал, что спросил слишком громко. На самом деле голос его еле слышался.

— Ясно где, у меня. Охотник я.

Старик встал, неся бутылку в руках, подошёл к Павлу, и опять стало видно только его лицо.

— На-ко, попей.

Откуда-то снизу протянулась к губам Павла его рука с бутылкой.

— Что это?

— Травка. Да ты не тушуйся, вещь крепкая, враз на ноги поставит. Ну.

Лёжа пить было неудобно, и, сделав несколько глотков, Павел почувствовал, что задыхается, и отвернул голову от бутылки. Старик не успел сразу отдернуть руку, и жидкость немного пролилась на подушку.

— Вот и ладно, это хорошо. Ну-ка, подвинься чуточку. — Кряхтя, старик полез рукой за Павла. — Вот здесь она будет, ты её попивай понемногу, поможет.

Старик оставил бутылку воткнутой между жёсткой, набитой сеном вместо пера, подушкой и покатыми брёвнами стены. Затем ушёл в тем-

ноту и вернулся уже одетым в широкий полушубок и лохматую шапку с опущенными ушами.

— Ты, паря, лежи, а мне отлучиться надо.

И беззвучно сняв со стены ружьё, старик тихо вышел. Павел даже не услышал, как хлопнула дверь. Он только почувствовал, что остался один, и ему сделалось страшно.

— Эй, старик, — негромко позвал он, но никто не ответил.

— Есть тут кто-нибудь? — ещё раз спросил Павел. Он говорил негромко, боясь собственного голоса. Опять тишина, никто не отвечал. Тогда Павел попытался встать. Он осторожно пошевелил ногами. Целы. Попробовал руками. Поддавалась только левая, правой пошевелить было невозможно от боли. Тогда Павел ещё раз огляделся. Стол с лампой стоял на прежнем месте. За ним чернела стена, такая же ребристо-выпуклая, как и та, около которой лежал сейчас Павел. Но на ней светлел небольшим прямоугольником оконный проём. Павел скользнул взглядом дальше по стене и наткнулся на угол, завешанный охотничьим снаряжением, капканами, старой изношенной одеждой. Не задерживаясь, взгляд двинулся дальше и снова остановился на двери. В другом углу было темно, не разглядеть. Тогда Павел попробовал ещё раз пошевелиться, и это ему удалось. Он сдержался, чтобы не закричать, только простонал сквозь зубы. Зато сейчас повернулся немного на бок и мог видеть то, что было за ним. И первое, на что наткнулся взгляд, — это ружьё. Оно висело совсем рядом. Казалось, чтобы его взять, достаточно протянуть руку.

Павел долго собирался с духом и, решившись, рванулся вперёд, протянул руку, и тут чернота, густая, непроглядная, хлестнула по глазам, забила горло так, что нечем стало дышать, и выдавила из груди крик — короткий, громкий и тут же захлебнувшийся.

Вновь очнулся Павел уже утром. По-прежнему на столе горела керосиновая лампа и было также темно, но прямоугольник окна высвечивался робким синеватым светом.

— Пить, — негромко прохрипел Павел, сам чуть расслышав свой голос. Но ему никто не ответил. Тогда, собравшись с силами, он попросил громче: — Пить.

Снова тишина. Павел закрыл глаза и стал прислушиваться. Ни шороха. Только в тёмном углу, в ногах, вроде бы кто-то дышал. Павел решил, что показалось. На самом деле это остывала прогоревшая за ночь печь. Скоро должны были уйти остатки тепла и в зимовье, сквозь незаметные щели, начнёт заползать колючий не добрый холод.

Но Павел об этом не подумал. Он лежал и не понимал, то ли ему это снится, то ли на самом деле с ним кто-то разговаривает.

У него спрашивали:

— Тебе больно?

И он честно отвечал:

— Да.

— Ты бы хотел, чтобы этого не было?

И он опять искренне отвечал:

— Да.

— Ну что ж, стоит ли мучиться, когда вокруг столько жестокости, злобы. Проще уйти от людей, оставить их.

— Да.

— Тогда нужно дотянуться до ружья.

Павел открыл глаза, пошарил взглядом по стене. Ружьё висело, как и прежде, совсем рядом. Теперь он, пожалуй, смог бы до него дотянуться, а там... «И правда, зачем жить? Чтобы ещё раз увидеть, как один человек избивает другого, ещё раз почувствовать, как один обманывает другого, продолжать жить, чтобы ещё раз испытать то, что уже испытано, с лихвой, перечувствовать заново боль от потерь, своего бессилия перед жизнью, чтобы ещё раз почувствовать себя слабым и ничтожным.

Всё это уже было узнано, пережито. Теперь только бы дотянуться до ружья, и лишь бы оно было заряжено... Пить хочется. Старик оставяла мне воду. Она здесь, рядом».

Павел осторожно нашарил левой рукой бутылку и, ещё не успев открыть её, уже почувствовал во рту неприятно-горький, вязущий запах полыни.

Он зубами вынул из горлышка пробку, выструганную из берёзового сучка, выплюнул её и осторожно поднёс горлышко бутылки к губам. Он сделал всего один глоток и задохнулся, быстро отвёл руку с бутылкой в сторону и, не сумев её удержать из-за боли в плече, появившейся из-за резкого движения, выпустил бутылку из руки, и та упала куда-то вниз, стукнулась об пол, но не разбилась. Павел слышал, как, громко булькая, из бутылки вытекал отвар.

«Ну всё, больше тянуть нечего».

Павел посмотрел на висящее невдалеке ружьё.

Павел храбрился, но на самом деле ему было жутко. Он боялся не самой смерти, а того момента, когда она должна была наступить. Нет, не боли, а большого, непреодолимого отчаяния. Оно уже подходило к нему, было совсем рядом, и только сознание ещё сопротивлялось. Павел решил больше не жить. Он доказал себе, что незачем, доказал уже прожитым, увиденным, испытанным.

— То, что мог, ты совершил, — опять заговорил уже являвшийся Павлу голос, тихо, вкрадчиво, в самое ухо. Павел не мог отличить, то ли это действительно голос, то ли воспалённый болью мозг рождает слова в его сознании. Он чувствовал, как сила и уверенность покидают его и, перебивая тихий голос, стараясь заглушить его, Павел закричал, теряя сознание:

— Не-е-е-т!

Старик вернулся только к обеду. Уставший, он не вошёл — ввалился в своё старое, построенное лет тридцать назад, охотничье зимовье, и только тут, почувствовав, что сил больше нет, повалился навзничь на пол прямо у порога. Услышав шум, Павел очнулся, открыл глаза. Он вновь увидел доски потолка, но уже не напугался, как в первый раз, а, наоборот, даже обрадовался — жив. Затем, ещё не понимая, что его разбудило, обвёл взглядом зимовье и только теперь увидел лежащего на полу старика. Грудь его часто и высоко поднималась, из горла доносился хрип.

Павел сверху вниз смотрел на старика, не в силах оторвать взгляда, и в то же время чувствовал, насколько бессилён и беспомощен сам. Он хотел встать, помочь, но не мог, и от этого становилось невыносимо. Тогда Павел снова оглядел зимовье, словно что-то ища в нём. На самом деле он собирался с силами. И вот когда понял, что хватит решимости, он, преодолевая боль в правом плече, перевалился на бок и упал вниз. Он приземлился на колени и тут же почувствовал, как обдало всего его жаром, как застыло сердце от глубоко наколовшей его боли и перехватило горло спазмом. Но сознание не потерял. Он корчился на полу от боли, скрипел зубами, удерживая в груди крик. Плечо горело, когда Павел подполз к старику и заглянул ему в лицо, густо заросшее бородой. Старик почувствовал его рядом, открыл глаза.

— Как тебе, легче? — прохрипел он, с трудом выговаривая слова.

Павел поначалу кивнул, потом ответил:

— Отпустило немного.

— Это хорошо, на поправку, значит, — продолжая задыхаться, с трудом выговорил старик. — Травка быстро людей поднимает. — И, помолчав, совсем тихо добавил, закрывая глаза: — А ведь не догнал я их, в Решоты ушли. Ищи теперь ветра в поле. Там железная дорога, куда подались, попробуй смекни.

Старик замолчал. Павел подождал ещё, но он больше не произнёс ни слова. Казалось, заснул. Маленькое окно в стене среди этого подвального

сумрака светилось ярко и пугающе, будто солнечный зайчик, проникший в старое, давно заброшенное погребенье двух людей.

Охотник, задыхаясь, хрипел всё громче. Тогда Павел засунул руку ему под бороду, нащупал впившуюся в горло верхнюю петлю полушубка и с силой рванул. Покатилась по полу оторванная пуговица. Сам старик не пошевелился, но хрипеть перестал, задышал ровнее, спокойнее.

Старик очнулся, будто проснулся после глубокого сна, часа через два. Некоторое время лежал не шевелясь, с открытыми глазами, потом кряхтя сел на полу и только тогда заметил Павла, лежащего рядом, скрючившегося от холода и прижимавшего здоровую руку к раненому плечу.

— Кх, паря, да ты чего?

Старик проворно вскочил на ноги, наклонился к Павлу и, подсунув руки тому под спину, хекнув, приподнял от пола, протаскивал так до нар и только тут остановился перевести дух.

— Как же ты слез?

— Мне надо было, — простонал Павел.

— Во-во, ещё разговариваешь.

Старик собрался с силами, громко ахнув, подхватил Павла ниже бедер, и, взвалив себе на спину, резко, как пружина, распрямился и свалил Павла на нары.

— Так-то лучше.

— Здорово у тебя получается, — прошептал Павел, когда немного утихла боль в плече и исчезли из глаз чёрные круги.

— А ты, милоч, думал, зря дед всю жизнь один в тайге прожил. Однако холодно, остыла печурка.

Не снимая полушубка, старик подошёл к печке. Разгрёб сваленные в углу дрова, нашёл кусок сухой бересты и затопил печь. Только после этого, расстегнув ремень, снял полушубок и повесил его в углу.

— Что, так один и жил? — негромко спросил Павел.

— А болит плечо, не легчает. Давай я тебе новую повязочку наложу, она поможет.

Старик долго колдовал над столом, укладывая в чистую белую тряпицу вымоченные в глиняной миске стебельки и цветы каких-то растений. Затем, аккуратно сложив тряпицу подушечкой, взял её на ладонь и подошёл к Павлу.

— Давай приложим. Это должно боль снять.

Старик развязал повязку на плече Павла, и тот увидел, что под ней уже была приложена такая же подушечка. Охотник осторожно заменил тряпицу, туго завязал повязку. И почти сразу Павел почувствовал, как лёгкая, ласковая истома наполняет тело, прогоняя из него боль.

— Вот так, милоч, и живу один. А если и подумать, то зачем мне ещё кто-то?

Старик отошёл от нар, поднял с пола валявшееся у двери ружьё.

— Скучно, наверно, одному?

— Так ведь оно как тебе сказать... Зато чище.

— Что-то не похоже.

— А ты и не можешь знать, похоже или нет, потому как не жил подобно.

— Зато вижу.

— И видеть не можешь, так как имею я в виду чистоту не плотскую — духовную.

— Чем же так сильно обидели тебя люди, если даже ушёл от них?

Старик не стал отвечать сразу. Он некоторое время подержал в руках ружьё, поглаживая по стволу и тускло поблёскивающему, давно потерянному лак прикладу, отполированному частым прикосновением рук ложе, и только после этого подошёл и повесил его на стену, невдалеке от головы Павла.

— Да вроде бы и ничем, — снова заговорил старик, — только одному жить сподручнее.

— А случись что, ведь помочь некому.

— Зато и понапрасну никто не обидит. А если и случится горе, так ведь оно опять от людей придёт... Вот на тебя несчастьюшко свалилось опять же не от грома небесного. Нет, когда один, то и ответ одному держать и волю вольную пытаться.

— Как же так, отец?

— А вот так, — перебил заговорившего Павла старик, — эти двое, что в тебя пальнули, уже с неделю около Поймы жили. Видел я, пробовали они стараться, а толку никакого. Нет в Пойме золота и быть не может. Только они этого не знали. Мне бы подойти, сказать. А зачем? Дело-то они творят незаконное. Сообщить куда следует посоветуешь? Так опять же — с людьми только свяжись, добром не кончишь. Только раз подойди к ним, а там закрутишься. Либо ты им что-то сделаешь, что-то должен будешь, либо они тебе. А порвать всё и бросить уже трудно будет. Долги, они крепко людей держат. Опять же — совесть. Сделай что не так, ведь замучает. Когда один, мучиться нечего, всё в тебе. Вот так вот, милоч.

— Связался бы ты с людьми раньше, я бы сейчас здоров был.

Сказал это Павел с плохо скрытой обидой в голосе, но старик этого, кажется, не заметил.

— Я бы и по-другому мог тебя спасти. Тот винчестер, из которого в тебя стреляли, предлагали они мне и просили недорого. Только не хотел я от них оставлять себе ничего, вот и отказался. Сдаётся мне, больше они в одежонке нуждались. Дождь, снег. Ты, наверно, в плаще был?

— Да.

— Вещь в такую пору в тайге первонеобходимая... А ты, милоч, зря осуждаешь за то, что к людям идти не хочу. Подумаешь вот как-нибудь потом, когда поправишься, над тем, что я тебе сейчас говорю, и согласишься. Сам человек должен отвечать за себя. Когда один — это и откровение и правда. Обманывать незачем, врать некому, значит, чист.

Старик вернулся к печке, подбросил в неё дрова и, взяв ухват, подставил поближе к огню чугунок.

«Обманывать незачем. Врать некому. Значит, чист». Павел несколько раз повторил про себя эти фразы, несколько раз заставлял себя вникнуть в их смысл, прежде чем опять, в который уже раз, забыться.

В последний раз он проснулся внезапно, будто его разбудили, толкнув в плечо. И тут же всплыла в сознании мысль: «Я же на станцию шёл». В зимовье было тепло. Так же, как и в прошлую ночь, тускло светила керосиновая лампа. Старик сидел рядом с ней за столом, чистил ружьё.

— Отец, — позвал Павел.

Старик обернулся, сощурился, посмотрел на нары.

— Что, проснулся? Тебе бы, милоч, поесть надо. Обессилишь не евши-то, это плохо.

— Отец, послушай, отвези меня на станцию.

— Зачем это на ночь глядя, да и тяжело тебе сейчас.

— Надо, понимаешь, там ребята, они ждут.

— Эх-хе-хе, — старик поднялся из-за стола, подошёл к нарам и долго молчал. Затем спросил: — Так поешь чего-нибудь?

— Нет, не могу я. Мне в Решоты нужно, на станцию. Там в тайге ребята, они послали за...

— А жалко мне тебя, — перебил Павла старик, — не можешь уйти от людей, крепко с ними повязан. Долгов много. Помыкаешься ещё, хлебнёшь горяшка.

Старик пошёл в угол, накинул полушубок. Затянувшись ремнём, снова подошёл к нарам и, сняв со стены ружьё, долго держал его в полусогнутой руке, словно проверяя тяжесть.

— Ладно, пойду предупрежу насчёт твоих, да и скажу, чтобы тебя забрали.

Павел лежал не шевелясь, с открытыми глазами. В зимовье ни звука, только слышно, как несильно бьёт в окно поднявшийся в тайге ветер, и

ещё лёгкий, еле слышный звон стоит в воздухе. И предчувствие, будто что-то неотвратимое надвигается сейчас из глубины тайги на маленькое охотничье зимовье, и Павел, бессильный, недвижимый, ждёт того часа, когда эта неведомая сила сметёт его вместе с ветхой избушкой, закрутит и швырнёт в новый мир, враждебный, жестокий и ещё более непохожий на тот, что остался позади.

9

Когда начало темнеть, на поляну, где стояли вагончики бригады, въехала машина. Люди вышли из жилого вагончика и молча наблюдали за машиной, доверху нагруженной досками, пока та не остановилась и из кабины не выглянул шофёр.

— Чего рты разинули! Давайте показывайте, где сгружать будете.

Тогда все бригадные побежали к «Зилу». Несколько человек запрыгнули на подножки, кто-то уже залез в кузов.

— Молодец бригадир, с таким не пропадёшь.

— Павел где? — спросил Фёдор, открывая задний борт.

— А ты думаешь, машина с неба свалилась, — огрызнулся Хромой. Он и сам не знал, куда подевался бригадир. Уж если и уходил, то ему всегда говорил куда, предупреждал. А тут... Недоброе чувствовал Хромой.

Машину разгрузили быстро, и она уехала, гремя бортами. Вся бригада опять собралась вместе, около наспех, поэтому неаккуратно, сложенного штабеля.

— Что же бригадир не приехал?

— Дела, значит.

— Может, кого угостить за доски пришлось.

Совсем стемнело, и только река свинцово светлела в наступивших сумерках. Безветренно и тихо. От досок идёт запах смолы и опилок. Смешиваясь с табачным дымом, он становится вкусным, густым. Внутри штабеля негромко грызёт дерево жук, невтерпёж ему, что ли.

— Что, поднялись? Работать ведь завтра, — Фёдор подошёл к Хромому, — слушай, Алексей.

— Чего тебе? — безразлично и устало спросил тот.

— Надо приглядеть за досками.

— Ладно, иди спать. Разберёмся.

— Ну-ну, смотри.

Фёдор ушёл. Хромой остался один. Он думал о Павле. Почему бригадир ничего ему не сказал? Не было раньше такого. И обижен он. Наверно, потому и неприятно, беспокойно на сердце у Хромого.

Из жилого вагончика вышли Николай и Валька. Видно, пошли в столовую заготовку на завтрак делать.

Хромой тяжело встал. Ему сейчас не хотелось идти спать, но и одному быть тоже не нравилось.

Когда Алексей, поднявшись по крутой деревянной лестнице, вошёл в кухню, Николай с Валькой сидели рядом на одной скамейке и чистили картошку. Они одновременно повернулись в сторону открывшейся двери.

— Не прогоните? — шутливо спросил Хромой.

— Да чего там, заходи.

Николай даже подвинулся на скамейке, освобождая место возле себя.

— Нет, я лучше здесь, у двери. — Хромой присел на корточки около стенки, достал пачку сигарет. — Закурю я, ладно?

— Дыми.

Николай бросил в стоявшее на полу ведро очищенную картофелину, не попал и тихо выругался.

Хромой курил и прищурившись смотрел перед собой, потом на то, как Николай и Валька, негромко напевая, чистили картошку. У Николая

из-под ножа кожа выходила толстая, ломкая на сгибах, у Вальки — тонкая, словно сплошная коричневая лента, хоть сейчас в клубок наматывай.

— Слушай, Валька, ты хоть про себя чего Расскажи. Всё ж новый человек, интересно. — Хромой поднёс к губам сигарету, затянулся. — А то сидите затаившись, словно бурундуки.

— Что рассказывать? Как жил?

— Ну да.

— По-всякому.

— Ты где так картошку чистить научился? — Хромой дунул, стряхивая пепел, — Бережно, умело.

— Дома, от матери. Мы с ней садились вечером и начинали песни петь. Она у меня хорошо поёт, тихо только. Мама картошку чистит, я помогаю. Это ещё когда маленьким был. Потом подрос, денег здорово не хватать стало. Мама в лифтёры пошла, а я дома после школы обед готовлю, чтобы она пришла, а всё на столе, горяченькое. Она ведь из-за меня работать пошла, хоть и инвалид. Инвалидность-то скрыла, а соседям говорила: «Не хочу, чтобы мой хуже других выглядел. Женихом скоро станет». Умора с ней. Она всё женить меня хочет, говорит, легче с семьёй будет. А куда мне семья, мне за ней присматривать нужно, вылечить. Мне для этого денег только надо заработать.

— Больная она у тебя?

— Да. В молодости на стройке работала, простудилась. Из-за этого осложнение на сердце, потом инвалидность. У меня отец хороший был, мать рассказывала.

— Слушай, Валь, не ходи ты в армию. Пусть мать в военкомат заглянет, дая её устроят. Будешь с нами работать, мосты строить. И при деньгах, и при деле.

— Нет, мать нельзя обижать. Она хочет, чтобы я как все.

— Смотри. Обижать, конечно, не стоит, — опять вступил в разговор Хромой. Он затушил сигарету, прижав горящую точку большим пальцем к стене. — Пойду я. Спать отправитесь, гляньте на доски.

— А ещё, — продолжал Валька, когда захлопнулась за Хромым дверь, — она мечтает, чтобы я в институте учился. Только не смогу я.

— Пробовал поступать?

— Когда? Я же только школу окончил.

— Значит, пробуй, — Николай воткнул нож в мокрый пол, потянулся. — Фу-у, шея устала, согнувшись сидеть.

— А если поступлю, что тогда? — Валька говорил, не переставая чистить картошку, — всё равно деньги нужны. Вот если бы на заочный.

— Поступай на заочный. — Николай встал, прошёл к двери и выглянул на волю. — Темнотица! Слушай, бросай картошку, завтра дочистим. Спать хочется.

— Ты иди, я один дочищу.

— Вот упрямый, — Николай нехотя вернулся к скамейке, сел, — один! Могли бы и завтра на часик пораньше встать, успели бы.

Больше картошки в корзине не осталось. Николай дочистил последнюю и с силой бросил в стоявшее перед ним ведро. Высоко взлетели брызги, оставив сырой след на стенах, Николай повернулся к Вальке и засмеялся. Лицо у того было в прозрачных водяных блёстках, которые светились десятком крохотных лампочек. Валька тоже засмеялся, утёрся.

— Всё, пошли, я закрою.

Валька, осторожно ступая, будто с закрытыми глазами, спустился по лестнице. Погас свет в окнах вагончика-кухни, и на крыльцо вышел Николай. Лязгнув замок о железные петли, послышался щелчок повернувшегося в замке ключа. Валька, как ни всматривался в темноту, никак не мог разглядеть даже стены вагончика. Повернулся в сторону Николая и вновь ничего не увидел, хотя и знал, тот где-то совсем рядом. Валька услышал, как сошёл Николай с крыльца, и неловко поймал его за руку.

— Пошли в сторону, — проговорил Николай, — здесь лавочка, посидим немного, подождём, пока глаза к темноте привыкнут.

Они сидели, прислонившись спинами к дощатой стене вагончика, и невольно вслушивались в ночную тишину. Мрак перед глазами постепенно отступал, как бы расплывался, и Валька с Николаем опять увидели неясные очертания крыльца перед входом в вагончик, смутное очертание близкой тайги. И вдруг... Валька схватил Николая за руку.

— Слышишь, — прошептал он, — кто-то идёт.

Николай прислушался.

— Кто это? Может, те, кто доски ворует?

Николай повернулся к Вальке и прижал палец к губам. В это время послышался слабый треск со стороны тайги, и на поляну вышел человек. Он огляделся по сторонам, постоял немного и, видно, не заметив ничего подозрительного, пошёл куда-то в сторону, опять скрылся за деревьями.

— Видел? Вор это, да? — дотрагиваясь губами до уха Николая, быстро, захлёбываясь от волнения, зашептал Валька. — Может, кто-то заблудился?

— А кто его знает. Подождём. Если вор, так не ради прогулки он сюда пришёл. Начнёт наши доски тревожить, мы его и накроем. — И опять схватив Вальку за руку. — Тихо, идёт!

На этот раз с поляны, из-за вагончиков, быстро промелькнули две тени.

— Чего они? Ушли, кажется.

Валька хотел встать, но почувствовал, как сильно держит его за локоть Николай. Понял, рано ещё. И почти сразу совсем близко послышался голоса.

— Ты что, сдурел или опять напился. Зачем меня сюда приволок?

— Не ори, дело есть.

— О деле можно было и там поговорить.

— Нечего сидеть, работать нужно.

На некоторое время шёпот стих.

— Откуда этот мужик? — Снова зашептались.

— Из райцентра... Ладно, пошли. Портянку час перематываешь.

— Тихо ты, услышат!

— Да кто здесь услышит.

Голос послышался непривычно громко и совсем рядом. Валька вздрогнул от неожиданности и тут же услышал, как уходят с поляны те, двое, опять в тайгу.

— Фу-у, — выдохнул негромко Николай, не скрывая облегчения, когда шаги затихли, — пронесло. Слышал, может, они наши доски пошли продавать.

— А много их украли?

— Машины две будет. — Николай, расслабляясь, осторожно пошевелился. — Нам их выследить нужно, узнать, что они продавать будут, а уж там придумаем что-нибудь.

— Понял, — несмело ответил Валька. — Послушай, Коль, а вдруг это далеко?

— Ну и пойдём далеко. Ты что, сдрейфил?

— Страшно, — откровенно признался Валька.

Прошло ещё некоторое время, минута может, чуть больше. Николай встал.

— Что сидим, пошли?

— Да, пора, — на выдохе с нотками обречённости ответил Валька.

Николай первым пересёк поляну и вошёл в тайгу. К нему тихо подкрался Валька. С того места, где они сейчас стояли, ещё было слышно, как впереди пробирались по тайге.

— Смело идут, — зашептал Николай, — по-хозяйски.

В тайге было ещё темнее, чем на поляне. Идти трудно. Часто то Валька, то Николай спотыкались о торчащие из земли старые трухлявые пни,

поваленные деревья, кочки, проваливались в ямы. Вальку ударила по лицу ветка, которую зацепил плечом Николай, и щёку обожгло, словно облили её чем-то горячим. Если бы идущие впереди так не спешили и, изредка останавливаясь, прислушивались, то наверняка заметили бы слежку. Но тем и в голову не приходило, что в такой час их кто-нибудь мог увидеть и услышать.

Небо начало робко проясняться. Между вершин деревьев стали по-сверкивать редкие звёзды. Там, наверху, ветер принялся разгонять отяжелевшие облака. Вальке казалось, что шли уже долго. Он порядочно устал, успел поцарапать лицо и руки, тяжело дышал. Ему думалось, что преследованию и ночи не будет конца. Но вот шум и треск ломающихся сучьев впереди затихли. Николай это услышал и резко остановился, прислушался. Нет, дальше никто не шёл. Рядом, тяжело дыша, присел на землю Валька, до этого немного отставший.

— Пришли, кажется. Если наши доски тут спрятаны, то недалеко, а мы их найти не могли.

Вальке захотелось крикнуть Николаю: «И это ты считаешь близко!» Но сил не было, и он устало повалился на землю. Но впереди снова послышался треск. Николай, а следом за ним и Валька пробрались ещё вперёд и остановились. Прямо перед ними начиналась поляна, одним своим краем подходившая к неглубокому овражку. Николай знал это место, бывал здесь раньше.

— Видно, туда спустились, — кивнул Николай в сторону овражка.

Действительно, вскоре из овражка поднялись и вышли на поляну две человеческие фигуры. Николай и Валька затаились. Но разглядеть тех, что сейчас стоял на другом краю поляны, было невозможно. Слишком темно.

— Матвей, давай подгоняй машину. Я пока доски подтаскивать начну.

— Годится, — ответил тот, которого назвали Матвеем.

У Вальки сильно забило сердце и подкосились ноги, когда он увидел, что Матвей идёт прямо на него. Нетвёрдо ступая, вразвалочку и посвистывая, подходил он к тому месту, где сейчас стояли, притаившись, Николай с Валькой. Увидев, что Матвей пошёл в их сторону, Николай выставил плечо вперёд, закрыв собой Вальку, и приготовился. Но Матвей прошёл в десятке метров от притаившихся за деревьями, не заметив их.

Прошло ещё некоторое время, прежде чем окончательно пришедшие в себя Николай и Валька стали решать, кому из них возвращаться на стройку, звать бригаду, а кому оставаться и продолжать следить за во-рами.

— Ну, Валька, давай. Только побыстрее, чтобы успеть их застать, а я покараулю. Наши доски, точно.

— Не пойду.

— Чего, опять боишься?

— Я дороги не найду, заблужусь.

Николай помолчал некоторое время.

— Тогда пойдём вместе. — В голосе плохо скрытое разочарование.

— Нет, ты иди, а я останусь.

Валька ни за что сам не решился бы на такое. Но голос Николая, раздражение в нём Валька принял на свой счёт, и от этого стало неловко, стыдно. Николай тем временем не отвечал, думал. И у Вальки появилась надежда, что, может, он не согласится на то, чтобы оставить его одного. И было видно, что Николай действительно не решается оставить Вальку. Он искал другой выход из создавшегося положения и не находил.

— Хорошо, будь здесь. Только тихо. Если начнут уходить, постарайся выследить, но не показывайся им на глаза.

Валька почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри и рассыпалось мелкими игольчатыми мурашками по всему телу.

— Постарайся побыстрее, — только и смог вымолвить он.

— Я мигом. Ты, главное, не бойся.

Николай пошёл от поляны, углубляясь в тайгу. Валька смотрел ему в спину, которая скоро исчезла в темноте. Остался только еле слышный шорох шагов по влажной от ночной росы траве. Но и он скоро затих. Тогда Валька, пожалуй, впервые за свои прожитые годы, почувствовал полное одиночество — пустое и страшное. А вокруг тайга, чуть заметно покачивающаяся, с тёмной, почти сплошной крышей над головой из чёрных, будто траурных веток. Вальке захотелось хоть чем-нибудь заняться, лишь бы не сидеть неподвижно, не слышать этого пугающего лесного шороха.

На поляне показался человек. Он держал двумя руками несколько досок, которые волочили по земле. Протащив их, он бросил доски на поляне, а сам опять спустился в овраг. Затем снова появился с досками.

Вид работающего немного успокоил Вальку, и он стал прислушиваться. А человек, ничего не подозревая, продолжал вытаскивать из оврага доски, оттаскивать их и бросать друг около друга. Невдалеке послышался рокот работающего двигателя машины. Валька напрягся, затаился, боясь пошевелиться. Из тайги по еле заметной дороге, заросшей высокой травой, выехала машина с включенными фарами. Но стоило ей остановиться, как свет погас. Из кабины вышел Матвей.

— Ну и темнотища... Как дела, начальник?

— Давай лучше доски в кузов закидывай, зубы скалить потом будем.

— Ладно, не ерпенься.

Матвей взял одну из досок и, подтащив к машине, забросил в кузов. То же сделал и с другой. Потом тот, который оставался на поляне, начал опять подтаскивать доски из овражка к машине, а Матвей забрасывать их в кузов.

Вальке в это время непреодолимо захотелось убежать, спрятаться. «Николаю чего, у него кулачищи вон какие». И чем больше Валька думал убежать от поляны, тем всё труднее и труднее было ему оставаться в своём укрытии. Не выдержав, он осторожно начал пятиться в тайгу. «Я только спрячусь получше, — уговаривал себя Валька, — чтобы они не заметили. Я не уйду... Только отойду подальше».

Вот уже поляны совсем не видно. И тут что-то случилось с Валькой. Он почувствовал, что не может больше оставаться один, не может возвратиться назад, к поляне, и поэтому, повернувшись, быстро, но стараясь не шуметь, пошёл прочь.

Ему казалось, что он идёт правильно. Но чем дальше Валька уходил в тайгу, тем чётче вырисовывалась в сознании одна мысль: «Я не найду обратной дороги, заблужусь». Незаметно для него самого Валькой овладело отчаяние. Он не знал, что ему сейчас делать, и поэтому остановился. Темно. Непроглядно и тихо вокруг. Вдруг над головой послышался шорох, и Валька испуганно бросился на землю, прижался к ней, затих. Щека почувствовала шелуху кедровых шишек и хвою. Несколько иголок больно впились в ладони, а выпиравший из земли корень давил в живот. Опять тихо. Только сердце не может успокоиться и колотится сильно-сильно. «Трус, трус, трус». Одна эта мысль стучала в сознании. Валька ненавидел трусость, а сам сейчас... Он знал, есть оправдание и люди не должны его осудить (да если и осудят, то надолго ли!), но не было оправдания в себе самом, для своей совести.

«Я вернусь. Я сейчас встану и пойду назад, к поляне». Но Валька не мог заставить себя подняться. Ведь он же решил идти назад, неужели этого мало? Выходит, что мало. Ещё нужно совершить то, на что решился, а это так трудно. «Я встану, я смогу». Лежать же на земле так хорошо! Пусть она холодная, сырая. Валька согласился бы лежать на ней, если бы она была невообразимо холодной. И пусть в два раза больше иголок воткнётся в руки, только бы не туда, только бы не назад к поляне.

Валька встал. Он был как во сне и не знал, что ему делать, куда идти. Неосознанно затягивая время для принятия решения, он долго и стара-

темно отряхивался. Сейчас в тайге ему было страшно, но не так, как тогда, у поляны. И всё-таки Валька пошёл обратно. Ему казалось, что он совсем недалеко ушёл от овражка, но шло время, а его всё не было, и темно кругом... слишком темно. «Заблудился», — решил Валька, и ему захотелось плакать по-детски громко, во весь голос. Он остановился, постоял в нерешительности некоторое время и вдруг, сам не понимая, что делает — побежал. Он больше не мог идти медленно, боялся тишины и шорохов, боялся тайги — этой огромной черноты, боялся сам уже не понимая чего именно. Ему казалось, что он никогда не выберется из этого проклятого леса, чужого, жуткого.

На поляну Валька наткнулся случайно, к тому же очутился совсем рядом, около оврага. Те двое сидели около машины, курили. Странно, но это даже успокоило Вальку. В это время он почувствовал, что поборол страх.

— Ладно, работать нужно, времени много, — сказал кто-то из двоих, и этот голос показался Вальке знакомым. Он даже вздрогнул от неожиданности.

«Неужели я когда-то слышал этот голос? Да нет, показалось».

На поляне досок не осталось, все, что были, Матвей перекидал в кузов. Поэтому он тоже встал, затянулся в последний раз и, бросив тлеющий окурок, наступил на него сапогом и тоже пошёл за досками.

Сколько времени прошло с ухода Николая, Валька точно не знал. Небо в просветах между деревьями начало слегка сереть. На поляне становилось светлее. Пропала плотная и тёмная стена, которую, сидя в своём укрытии, видел Валька на противоположном краю поляны. Вместо неё начали вырисовываться поднимающиеся к небу стволы деревьев с густым кустарником внизу.

— Всё, хватит? — спросил Матвей, когда другой опять принёс доски и бросил их около машины.

В это время Валька как можно внимательнее всмотрелся в подошедшего, и в его фигуре ему опять показалось что-то знакомое.

— Давай ещё немного до полной и хорош.

— Как знаешь. Будто для себя стараешься.

— Пошли оба, за раз возьмём побольше.

— Пошли, — согласился Матвей, и они отошли от машины, спустились в овраг.

«Больше ждать нельзя, — подумал Валька, — как их задержать? Нужно что-то придумать». Его трясло как от холода. Ноги стали ватными и непослушными.

В полубессознательном состоянии Валька выскочил из своего укрытия и побежал к машине. Он с ходу запрыгнул на подножку, на которой ещё не так давно сидели те двое, открыл дверку и забрался в кабину. В нос ударил резкий запах бензина. В кабине было темно и тепло. Валька, торопясь, зашарил рукой по приборной доске, ища ключ зажигания. Наконец рука наткнулась на торчащий в замке ключ. Валька схватил его и выдернул. А сердце бешено колотится в груди и темно кругом. Отчего так темно? И только сейчас Валька понял, что сидит в кабине, крепко зажмурив глаза. И ключ искал, тоже не открывая глаз. На поляне послышался шум. Кто-то бежал к машине, поэтому, выпрыгнув из кабины, Валька размахнулся и забросил ключ в тайгу. Тут же он увидел, как подбежавший к нему Матвей споткнулся и, охнув, повалился грудью в траву. Валька же стоял, и не было сил тронуться с места, убежать. Он видел, как снова вскочил на ноги Матвей, как вплотную подбежал и резко, с размаху, выкинул руку со сжатым кулаком вперёд, прямо Вальке в лицо.

Удар был сильный. Он свалил Вальку с ног, и тот упал боком, ударившись щекой о холодную землю. Тут же его сильно ударили в живот. Валька открыл глаза. Он увидел, как Матвей опять размахнулся, пытается пнуть его ещё раз, уже по голове. Валька машинально отнял руки от

живота, закрыл голову. Матвей промахнулся. Его сапог только скользнул по руке, содрав на ней кожу.

Подбежал другой. Валька не увидел его, услышал:

— Брось его, едем быстрее. Он не один!

Опять голос показался Вальке знакомым, и в то же время он никак не мог вспомнить, где и когда его слышал.

Матвей ещё раз пнул, теперь уже в грудь, так, что Валька почувствовал, как у него что-то хрустнуло, будто сломилось и оборвалось внутри, и побежал к машине.

Валька попытался подняться, но не смог. Земля уходила из-под ног.

— Мама! — шёпотом позвал он.

— Ключи! — тут же послышался крик Матвея из кабины. — Где ключи? Он, сволочь, взял!

— Мамочка. — Опять не крик, только шёпот.

Валька не видел, как Матвей опять выпрыгнул из кабины. Он только почувствовал, как что-то твёрдое с силой ударило его в бок, затем по защищённой руками голове, потом прямо в лицо. Валька успел ещё услышать выстрел или гром, уже не разобрать, и потерял сознание. Темно и тихо, слепо и глухо.

Первым опомнился тот, другой. Он молча, ни слова не говоря Матвею, повернулся и быстро побежал с поляны, затем вернулся и, заскочив в кабину, начал судорожно пытаться завести машину отвёрткой, которую подобрал на полу около педалей. В это время послышался гром или выстрел, от испуга он не успел разобрать, а с неба в это время упали первые небольшие и редкие капельки дождя.

И тотчас выскочили на поляну люди из бригады. Они набросились на Матвея, начали бить его, потом одумались, связали ему руки ремнём и повели к себе на стройку.

Лежавший без памяти Валька не чувствовал, как его подняли и понесли. Он не слышал, как кричал Хромой, держа его на руках: «Второй где? Наверно, в тайгу ушёл!» И как после этого взревел мотор самосвала и тот, нервно дёрнувшись, рванул с места на стоявших против него людей, которые едва успели отскочить, и, сделав небольшой полукруг на поляне, скрылся в тайге. И как Николай закричал хриплым от бешенства голосом: «Ушёл, подлюга!», а потом ещё долго бежал за машиной, матерился, грозил кулаком и всё-таки отстал. А рёв мотора ещё было слышно в рано потревоженной тайге, которая шумела обеспокоенно и напуганно, и дождь мелкими каплями всё так же падал на неё, на землю, на людей.

10

Ночь Павел провёл на лавочке в сквере. Он сильно замёрз, да ещё начавшийся под утро мелкий и редкий дождь намочил свитер, который и без того чуть согрел.

Бригадир никуда не думал устраиваться на ночь. Да если бы и подумал, то идти всё равно некуда. Гостиница в райцентре только ещё строилась, а хороших знакомых, таких, к которым можно попроситься переночевать, у него не было.

Ночью Павлу казалось, что стрелки часов, на которые он с нетерпением смотрел через каждые несколько минут, двигались слишком медленно, и только последний час до пяти их будто специально подкрутили — так быстро он прошёл. Минут за десять до установленного срока бригадир подошёл к месту, где они вчера расстались с Матвеем. На дороге пусто. Рано ещё. Павел немного постоял, решая, чем заняться, и медленно зашагал вдоль дороги к центру городка.

Под ногами хрустел гравий и мелкий мусор. Где-то недалеко от дороги послышался лай собаки, а затем неприятно визгливый звук желе-

за об железно. Видно, собака была на цепи и бегала вдоль натянутой по двору проволоки. Но собаку из соседних псов никто не подержал, и та, лениво погавкав ещё некоторое время, замолчала. На центральной площади пусто, и от этого она показалась Павлу слишком большой и неопрятной. Около закрытого газетного киоска, свернувшись калачиком, лежала маленькая собачонка. Почувяв человека, она не поднялась, только приоткрыла глаза и опять их закрыла. К невысокому заборчику около почты ветер нанёс обрывки газет, и сейчас этот сырой бумажный хлам, прибитый к земле, лежал, будто грязная речная пена у песчаного берега после дождя.

Через площадь торопясь прошла женщина. К почте подъехала милицейская машина, остановилась, заглушив мотор, но из неё никто не вышел. Двое мужчин показались из проулка. Один из них подошёл к Павлу, попросил спичек. Райцентр просыпался, скоро должны были пойти на работу люди.

И только сейчас Павел заметил кошку. Осторожно, на полусогнутых лапах, она подкрадывалась к воробью, одиноко прыгавшему у забора. А тот, видно, уже заметив её, продолжал прыгать и что-то выискивать в ворохе бумаг.

«Вот ведь, ещё дразнит, — подумал Павел, — сейчас доиграется, смельчак».

Кошка подкралась ближе.

«Да улетай ты, дурачок несмышлёный», — с волнением подумал Павел и направился в сторону почты. В это время кошка сделала два больших прыжка и накрыла собой не успевшего взлететь воробья. Павел подбежал к забору. Испуганная кошка метнулась в сторону, скрылась, шмыгнув сквозь узкий штакетник в палисадник. Павел взял воробья в ладони. «Вот так, брат, доигрался. Летать ещё не можешь, а туда же, кошек дразнить. — Бригадир осторожно держал крохотное тельце в ладонях. — Что мне делать с тобой, куда девать?»

Павел подошёл к газетному киоску. Лежавшая около него собачонка лениво открыла глаза, подняла голову. Павел дотянулся до крыши киоска, посадил туда воробья.

— Сюда кошка не полезет, собаки побоится, — вслух сказал он и повернул назад.

Павел прошёл мимо того места, где должен был встретиться с Матвеем. Машины не видно, хотя времени уже больше пяти. Пройдя немного вперёд, Павел сошёл с дороги, решив машину подождать здесь и подойти к ней, когда она подъедет, со стороны кузова. «Так надёжнее будет». Но его всё больше и больше начинала тревожить мысль, что пьяный Матвей мог попасть в аварию. Тогда всё пропало.

Павел сидел на чурбачке у самой земли. С дороги его видно не было из-за густо разросшегося куста. Сильно хотелось спать. Глаза не слушались, сами закрывались, и тогда начинала кружиться голова. Сначала медленно, затем быстрее, ещё быстрее и так до тех пор, пока Павел не открывал снова глаза. Ещё немного и он, наверно, заснул бы, но с дороги, издалека, послышался шум мотора. Бригадир, раздвинув кусты, стал смотреть на дорогу. Вскоре по ней проехала машина Матвея, нагруженная досками. У назначенного места она притормозила, затем проехала до следующего переулка, опять подпятилась задом к назначенному месту.

«Меня ищет или место спьяну забыл?» — подумал Павел. Но машина свернула в соседний от назначенного места переулочек и скрылась за домом.

Павел вышел на дорогу. Он чувствовал, как колотит в правый висок маленький свинцовый шарик. Этот шарик всегда возникал в его воображении, когда Павел сильно волновался.

Он подошёл к переулку. Машина стояла совсем рядом, с незаглушенным мотором, только немного съехав с дороги. Бригадир несколько секунд стоял и зачем-то смотрел на большие белые цифры и буквы номера

на заднем борту, пытаюсь прочитать их. Но это ему никак не удавалось. Опять шарик стучит в висок, не даёт сосредоточиться. «А зачем мне номер?» И от этой мысли всё сразу стало на свои места. Павел подбежал к кабине с левой стороны и рванул на себя дверь.

— Ты?!

Некоторое время он стоял в оцепенении. Тот, кто сидел сейчас в кабине, тоже не ожидал увидеть здесь бригадира и поэтому в растерянности не двигался.

— Фёдор, ты?!

Эти слова вывели Фёдора из оцепенения. Он рывком переключил скорость и попытался захлопнуть дверку, но Павел держал крепко. Тогда он левой рукой, хоть ему было и неудобно, наотмашь ударил бригадира в лицо, затем ещё раз, ещё... Но Павел всё не отпускал дверку. В то же время сам схватил Фёдора свободной рукой за брезентовую куртку и с такой силой рванул на себя, что Фёдор не смог удержаться за баранку и боком вывалился из кабины, отлетел к деревянному забору. Машина рванулась с места, врезалась в поленницу дров, развалила её и, ударившись в угол чьего-то двора, заглохла, словно испугавшись залаявших вокруг собак.

Тем временем Фёдор успел вскочить, но Павел опять сбил его с ног.

— Ты что ж это, подлец! Ты что ж!..

Фёдор попытался подняться и не смог, а кровь уже шла из носа, из разбитых губ, сочилась между зубов. Наконец Фёдору удалось вскочить на ноги. Он не ударил — оттолкнул Павла и побежал к машине. Бригадир бросился следом. Фёдор только успел достать небольшой железный ломик из кабины, когда сзади, скрепив обе ладони в единый кулак, ударил его сверху по голове Павел. Фёдор ахнул, повалился вперёд, уткнулся лицом в кожаное сиденье. Рука, не удержав, выпустила ломик, и тот упал, звякнув, на подножку и скатился на землю. Фёдор попытался поднять голову и, не устояв на ногах, сделал несколько шагов назад и повалился на землю вверх лицом.

— Га-а-д, — в бешенстве проскрежетал зубами Павел и только сейчас увидел, что из соседних домов выбежали и смотрят на них люди, а где-то недалеко, со стороны площади, громко завывала сирена полицейской машины.

В камере предварительного заключения, кроме Павла и Фёдора, никого. Тускло горит под самым потолком лампочка, затянутая густой металлической сеткой — будто паук постарался. Бетонный пол грязный, заплёванный. В камере вдоль стен длинные деревянные нары, накрепко прикрученные к полу. Стены выкрашены в тёмно-зелёный — от тусклого света казалось, что в чёрный цвет. В двери небольшой глазок. Он ярко светится и тухнет лишь тогда, когда в камеру заглядывает дежурный.

Павел сидит, закрыв глаза и привалившись к стене. Такое впечатление, что он спит. Но это не так, выдаёт лицо. Оно напряжено до того, что большие складки морщин упруго надулись на лбу. Свитер Павла, помятый, лежит рядом. Рубашка на груди растёгнута так, что почти до пояса видно голое тело.

Фёдор у противоположной стены. Он в растёгнутой куртке, на которой выделяются тёмные пятна засохшей крови. Руки и лицо чистые. Перед тем как отвести его в камеру, сержант сводил Фёдора в туалет, чтобы тот умылся. Волосы растрёпаны. Руки лежат на коленях, и даже в темноте видно, как нервно вздрагивают пальцы. Фёдор смотрит на них. Ему неприятно, что пальцы трясутся, он пытается сдержать дрожь, внутренне напрягается, но пальцы всё равно продолжают мелко трястись, а изредка сильно, как от укола, вздрагивать. Фёдор тяжело вздыхает, ложится на скамью, руки протягивает вдоль тела, закрывает глаза. Так ему кажется лучше, почти проходит тошнота, но начинает кружиться голова. Он решает подняться, но сил нет, остаётся лежать, невольно прислушиваясь к тому, что делает сейчас Павел у противоположной стены.

На какое-то время Фёдор забывается, и тут видит свой вагончик-склад, разделённый стенкой на два отделения. В одном, с двумя окошками, стоит кровать, узкая, железная, накрытая старым, в нескольких местах затёртым одеялом, из которого торчат клочки ваты. Маленькая подушка валяется тут же. Рядом с кроватью покрытый газетой стол. На нём валяется всякий хлам: тряпки, железки. В воздухе кислый запах, смесь машинного масла, пота, глины, грязного белья... Или нет, это запах камеры.

Фёдор пытается открыть глаза, чтобы удостовериться, что он не у себя в вагончике, и не может. И понимает в то же время, что запахи того, где был он всего несколько часов назад, и того, где он сейчас лежит, слились для него в единый запах, комом забивающий горло. Стук в дверь. Что это? Ах, да, пришёл Матвей. Он, тяжело ступая, проходит к кровати, садится и говорит, что нужно идти грузить доски. Об этом они договорились заранее, и Фёдор его ждал. Где встретиться с покупателем, тоже решили вместе ещё днём, когда Матвей приезжал к стройке. Они отошли в тайгу и всё обговорили. Знать бы заранее, кто покупатель. Сколько раз попадался и всегда выкручивался, а сейчас, кажется, всё — влип.

Как давно, кажется, это было — предложили Фёдору в строительной конторе поработать в бригаде Павла. Фёдор сначала заупрямился, а потом подумал и согласился. «Что-нибудь и там найду, — размышлял он, — не пропаду». И точно, нашёл. Поставили его сторожем к инструментам. Приходили из посёлка люди, просили помочь. Фёдор давал инструмент, но не бесплатно. Желающих много, и он увлёкся, позабыв об осторожности. Узнал об этом бригадир, предупредил: «Ещё раз дознаюсь, выгоню!» И Фёдор затаился. В это время и привезли на стройку машину новеньких досок — обрезных, строганых, пахучих, с янтарными каплями смолы. Тут Фёдор рисковать не захотел — жизнь научила. Решил дожидаться, пока кто-нибудь из новеньких в бригаде появится. А как только появится, доски увезти. Желающих их купить много, деньги дадут хорошие. Даже поехал в посёлок Матвея искать, которого знал давно, ещё по овощной базе. Было, что и дела вместе делали. Мужик свой, нужный, и срок успел отмотать. Но встретил около конторы молодого парня, узнал, что тот устраивается на работу, и зазвал к себе в бригаду. Доски тем временем все лежали нетронутыми. Через неделю Фёдор с Матвеем первую партию ночью тихо погрузили в машину, благо их свалили далеко от жилых вагончиков, у самой воды, и отвезли подальше в тайгу, на место чьего-то заброшенного покоса. Там и спрятали. В посёлок сразу не повезли: по дороге увидеть могли, а лишние глаза в таком деле не нужны. Всё обошлось хорошо. Вместо украденных досок привезли новые, и тогда они с Матвеем часть и из этих перевезли в тайгу.

Досок было много, можно продавать. И тут сам Фёдор действовать не захотел. Решил — пусть Матвей покупателя ищет. «Если попадётся — я откажусь».

— Как же ты на такое решился, ведь вместе с нами жил?

Голос у Павла сдавленный, еле слышный.

Фёдор продолжал лежать, не открывая глаз, только пальцы рук задрожали сильнее.

«А зачем мне, действительно, нужны были эти доски? Деньги? Ерунда. Их можно достать больше и без хлопот. У бригадира общую зарплату накрыть — куда проще. Да и есть у меня теперь деньги, не то что раньше. Для чего же тогда?» И только сейчас, впервые, Фёдор подумал об идее. Ведь нужно было жить. Но как, если столько мерзости в себе, а вокруг люди будто чище, благороднее. Так пусть думают друг про друга, что все воры. А если так, чем я хуже их?

Гадко сделалось Фёдору от пришедшей мысли, но сейчас он был откровенен перед собой как никогда.

«Что кошелёк? Украд — и только одному больно, только пятеро знают. Другое дело — доски. Из-за кошелька такого шума не было бы. А тут все видели — вчера доски лежали, а сегодня вон оно, место, а их, родимых,

нет. Впечатляет? Да и не лучше они меня, людишки эти. Труссы, боятся на дело пойти, вот и вкальвают. Бригадир готов из-за досок горло перегрызть. Так он что, лучше меня?»

— Я же знаю, что не спишь!

Голос Павла громче, требовательнее. Фёдор зашевелился, с трудом поднялся, сел и вытер лицо ладонями, будто умылся.

— Лучше мне ответь, для чего понадобилось доски искать? Что, больше всех нужно было? Ведь не у тебя их взял, не твои они. Вчера вечером целую машину новых привезли. Так чего тебе ещё нужно? Чего с ума сходишь?

Фёдор говорил, с трудом шевеля разбитыми губами.

— Я знал, что привезут. — Тут Павел замолчал. А ведь и правда, всё то время, пока он искал вора, бригадир знал, что без досок не останется. Тогда зачем он всё это делал, себя мучил, ночей не спал. И вот тогда показалось Павлу, что действительно, всё это было зря. — Не ради досок всё — я тебя искал...

— Идеальный? — перебил Павла Фёдор и болезненно поморщился. — А кому твоя идея нужна — ты подумал? Пользуется ей кто-то и сам над тобой же смеётся. Думаешь, не так?

— Нет!.. Не знаю.

— А я знаю. Живём один раз — и честный, и вор. И тому и другому жрать вкусно хочется, с бабой спать красивой, чтобы другие завидовали, коньяк вместо самогона пить. И один в жизни всё это пробует, а другой нет. А умрём все, когда срок подойдёт, это точно.

— А совесть?

— Совесть, говоришь? Где она, твоя совесть? Покажи! Хорошо про неё вспоминать, когда в кармане не пусто, а так... слова всё только.

— Значит, по-твоему, грызи горло тому, кто рядом живёт?

Павел зашевелился, но с нар не встал.

— Видишь, не один я так...

— Дружок твой так же рассуждает, — перебил Павел и опять закрыл глаза.

— Матвей, что ли?

— Он.

— Этот тоже сам не знает, чего хочет.

— Может, это и есть совесть, которая в каждом сидит. Не даёт она спокойно жить, мучает, когда худо другим делаешь.

— Слова всё.

Павел вдруг вскочил со скамьи, и Фёдор от неожиданности вздрогнул.

— Ты чего?

— Спрашивал меня, зачем я доски искал, — быстро заговорил Павел. Он ещё не знал, ответ это на то, что сейчас мучило, или что-то другое, например, оправдание за свои поиски, но заговорил зло, с трудом сдерживаясь, чтобы опять не броситься на Фёдора. — Я не доски, тебя искал, вора. Чтобы одной гадиной на земле меньше стало, чтобы себе веру в людей вернуть. Я давно тебя ищу, уже не один десяток разменял, а спокойствия в сердце всё нет. Теперь, кажется, понимать начал, почему мне душу аж наизнанку выворачивает и жизнь не мила. Из-за вас всё, из-за таких, как ты. Убить хотели — не убили, так веру в людей вытравить решили.

— Чего говоришь, дурак! Кто тебя убить хотел? Кому ты нужен? Стану я из-за тебя сроком рисковать!

— ...И я знаю, придёт время, и мы без вас жить начнём. Тебе, гад, только бы самому жрать. А воруюешь ты что. Может, вот этими руками сделанное. Ух, истребим мы вас.

— Не истребите, — Фёдор говорил по-прежнему тихо и плохо разборчиво, — таких, как ты, — мало. Остальные люди нормальные. И пока один богаче другого, будут люди воровать, потому что живём один раз, и каждому хочется, чтобы было в его жизни всё красиво и сытно.

— Врёшь, сволочь! Ты что же, хорошо жила, сытно? Так что же ты не жила так, как мне распевашь? Людей боялся!

— Дурак ты, бригадир. Неужели думаешь, что эти доски я ради денег со стройки увёз? Не-е-т. Я сделал это, чтобы каждый мог про себя подумать: я дрянной человек, а гляди-ко, есть ещё хуже. Значит, жить можно. Не о себе я думал — о людях, об их душах. Я жук навозный! Неприятный — но необходимый. Передохнете, глотки друг-другу перегрызёте без меня.

— Врёшь! Опять врёшь! Тебе нужно — не нам — чтобы чувствовать, не я один такая дрянь. Вокруг меня не лучше. Пусть подозревают друг друга, ненавидят. Мне от этого жить и воровать легче будет. Тебе же нужно, чтобы люди друг на друга обиду держали. А не будет обиды, будет вера, так как же тебе воровать.

— Эх, бригадир, все мы одним миром мазаны, все один раз на свете живём.

В это время дверь в камеру открылась, и молодой сержант, показав пальцем на Павла, приказал: «Ты, пойдём на допрос».

— Запомни мои слова, бригадир. Никогда воровство не уйдёт с земли. Ты подумай над этим. И дурак ты вместе со своей совестью! Один раз, о-ди-и-н...

Вышедший уже было из камеры, Павел рванулся обратно, но сержант успел закрыть дверь.

— Вот поэтому я и искал тебя столько лет!

Сержант толкал Павла в грудь, не подпускал к двери в камеру, а тот продолжал кричать и барабанить в неё кулаками.

— Один раз живём, один! Подумай, бригадир! — доносилось из-за обитой железом двери.

На помощь молодому сержанту прибежали ещё двое. Втроём они выкрутили Павлу руки, повели к лестнице, а он тем временем всё старался повернуть назад.

— Врёшь!.. Врёшь!..

11

Павел долго стоял в нерешительности перед дверью больничной палаты, смотрел в стеклянное окошко. Это была небольшая, но чистая комната с выкрашенными в белый цвет стенами. Единственная кровать, такая же белая, стояла у приоткрытого окна, выходящего в больничный сквер. Сквозь окно видны толстые, должно быть, высокие стволы кедров. Валька лежит головой к стене так, чтобы солнце не светило в лицо, с закрытыми глазами, и кажется, что спит. Голова и лицо почти полностью спрятаны под белым слоем бинтов. Лишь глаза с опущенными веками да запёкшиеся губы с синеющими ранами были открыты. Валька лежал ровно, словно весь во что-то затянутый под белой, такой же, как и стены, кровать, бинты, простынёй.

Павел осторожно открыл дверь, в нерешительности сделал несколько шагов и остановился. Он долго смотрел в обтянутое бинтами лицо Вальки. Заметил у самой переносицы синяк, выглядывающий из-под бинта. Он был с жёлтым отливом, будто капнули воском на белую кожу.

Бригадир осторожно положил большой бумажный кулёк на тумбочку около кровати, сел на стоявший рядом стульчик. Тот негромко скрипнул.

Веки Вальки дрогнули. Он медленнно повернул голову в сторону Павла и посмотрел на его большие обветренные руки. Выше поднять глаза не мог, мешали бинты.

— Ну что, узнал?

Павел попытался улыбнуться, но у него не получилось. Валька не ответил, только разбитые губы едва дрогнули.

Павел вздохнул.

— Видишь, как всё обернулось, — после короткого молчания почти шёпотом проговорил он, — здорово они тебя. Вот ведь как бывает. — Павел замолчал, опустил глаза, начал зачем-то пристально разглядывать пол. — Не нужно было приезжать тебе сюда, парень.

Павел поглядел в глаза Вальке, которые продолжали разглядывать его руки. Тогда он и сам посмотрел на свои ладони. Большие они, поцарапанные, в шрамах. И сколько переделал он всего этими руками, сколько построил. Сжато у Павла горло и сердце заколотилось в груди. Он протянул руку к Вальке, осторожно дотронулся до него. Павел понял сейчас, что всё повторяется. И Вальке, наверно, предстоит пройти тот же круг, который только что закончил он сам. И никакие уговоры, объяснения не помогут. Каким будет этот круг, долгим ли? Закончит ли его вообще Валька, не собьётся ли?

— Вот и тебя обидели.

Валька устало закрыл глаза, и в это время Павел увидел, что он плачет.

— Ты чего... держись.

— Зачем, — неразборчиво, с трудом шевеля губами, проговорил Валька.

— Что зачем? — не понял Павел.

— Держаться, жить. Я не хочу.

— Да ты что говоришь, парень.

Павел понимал, что всё это не то — пошло, неправильно. Должны быть какие-то другие слова, чтобы объяснить всё то, что он сейчас чувствовал. А Валька продолжал плакать. Вот уже и плечи затряслись, губы, и слёз в открывшихся глазах много-много.

— Зачем они так? Ты?.. За что? Я не хочу жить с вами, мне плохо.

— Ты успокойся, не надо так. — Павел наклонился над Валькой, опять дотронулся до него рукой. — Слышишь меня, а?

— Не хочу, зачем вы все такие. Мне плохо, я не хочу жить.

Валька хрипел, задышался от собственных слёз. Услышав его крик, в палату прибежал врач.

— Что такое?

— Успокойся, я прошу тебя, успокойся.

— Не хочу... За что?.. Не хочу.

— Уходите, уходите. Видите, ему плохо, — быстро заговорил доктор.

— Ты подожди, сынок, не плачь. Я что сказать хочу.

Павел с трудом сдерживал слёзы. Они уже щипали глаза, холодили нос у переносицы. Ещё совсем немного, и не останется сил сдерживать их.

— Выйдите из палаты, — уже угрожающе заговорил доктор и, не отпуская бившегося у него в руках Вальку, закричал, повернувшись к двери: — Сестра, морфий!

А Павлу было всё равно, слушают его или нет. Он тихо, будто и не кричали на него только что, продолжал сидеть около кровати на табуретке, смотрел в заплаканное, исказившееся от боли лицо Вальки и негромко, пытаясь успокоить того, говорил:

— Ты подожди, сынок, не торопись. Рано ещё. Не поддавайся ты всяким этим... Главное, на людей обиды не держи, не прожить с нею в сердце.

— Что вы здесь лепечете! Выйдите вон из палаты! Кто вас сюда пустил? Сестра, да несите же скорее морфий!..

Меньше чем через месяц состоялось торжественное открытие моста. День был ясный, солнечный и слегка ветреный. Машины первыми проехали по мосту, громко, непрерывно и трубно, будто от радости, гудя. Сигнал этот долгим, с перекатами, эхом отозвался в берегах и затих в тайге — словно заблудился среди старых, потрёпанных бумрами деревьев.